

ВЕЧЕР ГРЕЧЕСКОГО СЮРРЕАЛИЗМА

14 декабря 2025 г.
17:00 — 19:00

место: Клуб «Клуб»
Покровский бульвар 6/20

О

А

Т

Н

К

А

Ксения Климова
(сюр-игра)

Димитрис Яламас
(патефон, велосипедный звонок)

Полина Мелькаева
(А. Эмбирикос, М. Сахтурис, отражение Д.
Пападицаса)

Арина Затолокина
(О. Элитис, Д. Пападицас, М. Аксиоти)

Илья Бехарский
(тень А. Эмбирикоса, Й. Ликос)

Андрей Колосков
(Н. Энгонопулос, Е. Гонатас)

Алина Попик
(художник, Н. Энгонопулос, Е. Гонатас, Н. Гацос)

Полина Королёва
(сюр-вокал, тень О. Элитиса)

Татьяна Черемовская
(Яннис-вурдалак, Н. Валаоритис)

Вера Зиман
(сюр-виолончель, Н. Валаоритис)

Анна Шелковская
(сюр-танец)

.....	УВЕРТЮРА	4
.....	ГЛАВНАЯ ПАРТИЯ	14
<u>ΑΝΔΡΕΑΣ ΕΜΠΕΙΡΙΚΟΣ</u>		<u>14</u>
.....	<u>ΑΝΔΡΕΑΣ ΕΜΒΙΡΙΚΟΣ</u>	
<u>ΝΙΚΟΣ ΕΓΓΟΝΟΠΟΥΛΟΣ</u>		<u>24</u>
.....	<u>ΝΙΚΟΣ ΕΝΓΟΝΟΠΟΥΛΟΣ</u>	
<u>ΟΔΥΣΣΕΑΣ ΕΛΥΤΗΣ</u>		<u>32</u>
.....	<u>ΟΔΙΣΣΕΑΣ ΕΛΙΤΙΣ</u>	
.....	РАЗРАБОТКА	44
<u>ΔΗΜΗΤΡΗΣ Π. ΠΑΠΑΔΙΤΣΑΣ</u>		<u>44</u>
.....	<u>ДИМИΤРИС Π. ΠΑΠΑΔΙΤΣΑΣ</u>	
<u>ΕΠΑΜΕΙΝΩΝΔΑΣ Χ. ΓΟΝΑΤΑΣ</u>		<u>58</u>
.....	<u>ЭПАМИΝΟΝΔΑΣ Χ. ΓΟΝΑΤΑΣ</u>	
<u>ΜΙΛΤΟΣ ΣΑΧΤΟΥΡΗΣ</u>		<u>66</u>
.....	<u>ΜΙΛΤΟΣ ΣΑΧΤΟΥΡΙΣ</u>	
.....	ПОБОЧНАЯ ПАРТИЯ	78
<u>ΝΑΝΟΣ ΒΑΛΑΩΡΙΤΗΣ</u>		<u>78</u>
.....	<u>ΝΑΝΟΣ ΒΑΛΑΡΙΟΤΙΣ</u>	
<u>ΓΙΩΡΓΟΣ ΛΙΚΟΣ</u>		<u>84</u>
.....	<u>ЙОРΓΟΣ ΛΙΚΟΣ</u>	
<u>ΝΙΚΟΣ ΓΑΤΣΟΣ</u>		<u>88</u>
.....	<u>ΝΙΚΟΣ ΓΑΤΣΟΣ</u>	
<u>ΜΕΛΠΩ ΑΞΙΩΤΗ</u>		<u>96</u>
.....	<u>ΜΕΛΠΩ ΑΚΣΙΟΤΙ</u>	
.....	КОДА	116

Ανδρέας Εμπειρικός — Όχι Μπραζίλια μα Οκτάνα

Οκτάνα, φίλοι μου, θα πη μεταίχμιον της Γης και του Ουρανού, όπου το ένα στο άλλο επεκτεινόμενο ένα τα δύο κάνει.

Οκτάνα θα πη πυρ, κίνησις, ενέργεια, λόγος σπέρμα.

Οκτάνα θα πη έρως ελεύθερος με όλας τας ηδονάς του.

Οκτάνα θα πη ανά πάσαν στιγμήν ποιήσις, όμως όχι ως μέσον εκφράσεως μόνον, μα ακόμη ως λειτουργία του πνεύματος διηνεκής.

Οκτάνα θα πη η εντελέχεια εκείνη, που αυτό που είναι αδύνατον να γίνη αμέσως το κάνει εντέλει δυνατόν, ακόμη και την χίμαιραν, ακόμη και την ουτοπίαν, ίσως μια μέρα και την αθανασίαν του σώματος και όχι μονάχα της ψυχής.

Οκτάνα θα πη το «εγώ» «εσύ» να γίνεται (και αντιστρόφως το «εσύ» «εγώ») εις μίαν εκτόξευσιν ιμερικήν, εις μίαν έξοδον λυτρωτικήν, εις μίαν ένωσιν θεοτικήν, εις μίαν μέθεξιν υπερτάτην, που ίσως αυτή να αποτελεί την θείαν Χάριν, το θαύμα του εντός και εκτός εαυτού, κάθε φοράν που εν εκστάσει συντελείται.

Οκτάνα θα πη η ενόρασις και η διαίσθησις εκείνη, που επιτρέπουν σωστά να νιώθεις, να καταλαβαίνεις όλην την αγωνίαν των αλγούντων, τα λόγια τα συμβολικά του Ιησού, όλην την σκέψιν των αθέων, τας αστραπάς των προφητών και όλην την σημασίαν των τηλαυγών εκλάμψεων του Ζαραθούστρα.

Οκτάνα θα πη επί γης Παράδεισος, επί της γης Εδέμ, χωρίς προπατορικών αμάρτημα, πέραν πάσης εννοίας κακού, με

Андреас Эмбрикос – Не Бразилиа, но Октана

Октана, друзья мои, – это грань между Землей и Небесами, где они друг к другу расширяются и становятся едины.

Октана – это пламя, движение, энергия, слово семя.

Октана – это вольный эрос со всеми своими наслаждениями.

Октана – это непрерывная поэзия, однако не только как средство выражения, но и как вечная функция духа.

Октана – это та энтелехия, при которой то, что вмиг не исполняется, в итоге становится возможным, даже химера, даже утопия, и, наверное, в один прекрасный день бессмертие тела, а не одной души.

Октана – это “я” и “ты” (и обратно “ты” и “я”) в едином страстном извержении, в едином окончательном избавлении, в едином божественном соединении, в едином высшем участии, которое, быть может, составляет божественную Милость, чудо внутри и вне себя, что всякий раз в момент экстаза совершается.

Октана – это интуиция и то наитие, что позволяют верно чувствовать и понимать всю боль скорбящих, символические слова Иисуса, весь образ мысли атеиста, пророков молнии и все значение сияющего блеска Заратустры...

Октана – это земной Рай, земной Эдем, без первородного греха, вне любого понятия о зле и

ελευθέραν εις πάσαν περίπτωσιν παντού και την αιμομιξίαν.

Οκτάνα θα πη απόλυτος ενότης πνεύματος και ύλης.

Οκτάνα θα πη παντού και πάντα εν ηδονή ζωή.

Οκτάνα θα πη δικαιοσύνη.

Οκτάνα θα πη αγάπη.

Οκτάνα θα πη παντού και πάντα καλωσύνη.

Οκτάνα θα πη η αγαλλίασις εκείνη που φέρνει στα χείλη την ψυχή και εις τα όργανα τα κατάλληλα με ορμήν το σπέρμα.

Οκτάνα θα πη μη συμμετοχή και μη αντίταξι βίας εις την βίαν.

Οκτάνα θα πη ό,τι στους ουρανούς και επί της γης ηκούετο, κάθε φοράν που ως μέγας μαντατοφόρος, με έντασιν υπερκοσμίου τηλεβόα, ο Άγγελος Κυρίου εβόα.

Όσοι από σας πια βαρεθήκατε στον κόσμο αυτόν τον άδικο και τον βλακώδη να άγεσθε και να φέρεσθε από τους ψεύτες, από τους σοφιστάς και λαοπλάνους, όσοι πια βαρεθήκατε οι δεσμοφύλακές σας σαν τόπια ταλαίπωρα να σας εξαποστέλλουν εις τον Καϊάφα και πριν απ' αυτόν στον Άννα, προσμένοντας να έλθη η Ώρα η χρυσαυγής, η πολυύμνητος και ευλογημένη, όσοι πιστοί, όσοι ζεστοί, όσοι την σημερινήν ελεεινήν πραγματικότητα να αλλάξετε ποθείτε, προσμένοντας να έλθη η Ώρα, όσοι πιστοί, όσοι ζεστοί, ελάτε και ας ανακράξωμεν μαζί (νυν και αεί, νυν και αεί) σαν προσευχή και σαν παιάνα, ας ανακράξωμεν μαζί, με μια ψυχή, με μια φωνή — OKTANA!

повсюду со свободным во всех случаях кровосмешением.

Октана – это абсолютное единство духа и материи...

Октана – это всегда и повсеместно жизнь в наслаждении.

Октана – это справедливость.

Октана – это любовь.

Октана – это всегда и повсеместно доброта.

Октана – это то ликование, когда душа стремится вывысь из тела и в органы под стать влечению семя...

Октана – это неучастие и непротивление силе силой.

Октана – это то, что слышалось на небесах и на земле всякий раз, когда, словно великий вестник, с силой неземного рупора, Ангел Божий вопиял...

Те из вас, кто устал уже в этом несправедливом и бестолковом мире быть безвольным, управляемым лжецами, софистами и демагогами, те, кто устал от надзирателей, гонящих вас, как измученное стадо, к Каиафе, а прежде него к Анне, ожидая наступления златозарного Часа, воспетого в гимнах и благословенного, те, кто верные, кто пылкие, кто жаждет изменений сегодняшней жалкой реальности, ожидая наступления Часа, те, кто верные, кто пылкие, придите, и воскликнем вместе (ныне и присно, ныне и присно), наподобие молитвы или пиана, и воскликнем вместе, единодушно, единогласно – ОКТАНА!

Ανδρέας Εμπειρικός — Τριαντάφυλλα στο παράθυρο

Σκοπός της ζωής μας δεν είναι η χαμέρπεια. Υπάρχουν απειράκις ωραιότερα πράγματα και απ' αυτήν την αγαλματώδη παρουσία του περασμένου έπους. Σκοπός της ζωής μας είναι η αγάπη. Σκοπός της ζωής μας είναι η ατελεύτητη μάζα μας. Σκοπός της ζωής μας είναι η λυσιτελής παραδοχή της ζωής μας και της καθεμιάς ευχής εν παντί τόπω εις πάσαν στιγμήν εις κάθε ένθερμον αναμόχλευσιν των υπαρχόντων. Σκοπός της ζωής μας είναι το σεσημασμένον δέρας της υπάρξεώς μας.

Νίκος Εγγονόπουλος— Μην ομιλείτε εις τον οδηγόν

Αλβανοί χορεύοντες σκέπτονται να στρέψουν προς νέες διευθύνσεις τις ενέργειές τους, εις τρόπον ώστε τα παιδιά να μην καταλάβουν τίποτες από τις πικρίες και τις απογοητεύσεις της ζωής. Να μην καταλάβουν τίποτες πριν από τον καιρό τους. Πάντως οι σκέψεις αυτών των Αλβανών δεν περνούν πέρα από τους σκαρμούς των παραθύρων. Κι αυτό διότι Ιταλός τις, ακούων εις το όνομα Γουλιέλμος Τσίτζης, και επαγγελλόμενος τον επιδιορθωτήν πνευστών οργάνων, προσπαθεί να εξαπατήσει τους μελλονύμφους, εφαρμόζων σε παλαιού συστήματος ραπτομηχανή Σίγγερ τέσσερα χουνιά, εκ των οποίων τα δύο γυάλινα και τ' άλλα δύο καμωμένα από ένα οποιοδήποτε μέταλλο. Να μην ταραχθή κανείς: η εικών αύτη είναι η μόνη που εβοήθησε τον αποθανόντα αόμματο φαροφύλακα να ανακαλύψη το μυστικό του φρέατος.

Андреас Эмбрикос — Розы в окне

Цель нашей жизни — это не подлость. Существуют вещи бесконечно прекраснее чем это изваянное присутствие произнесенных слов. Цель нашей жизни — это любовь. Цель нашей жизни это наше бесконечное множество. Цель нашей жизни это мудрое принятие нашей жизни и каждого нашего желания в любом месте в любой момент в каждом горячем насущном влечении. Цель нашей жизни — это помеченная кожа нашего существования.

(пер. Е.Сартори)

Никос Энгонопулос — Не отвлекайте водителя

Албанцы танцуя думают как развернуть их действия к новым направлениям так чтобы дети не поняли ничего из горечей и разочарований жизни. Так чтобы не поняли ничего прежде чем придёт их время. Но всё же мысли этих албанцев не пересекают оконную уключину. От того это, что итальянец известный по имени Вильгельм Джиджи, будучи профессиональным настройщиком духовых инструментов, пытается совратить наречённых прилаживая к старой системе швейной машинки Зингер четыре воронки, две из которых стеклянные а две других сделаны из любого металла. Пусть никто не тревожится: образ сей — то единственное, что помогло усопшему слепому смотрителю маяка раскрыть тайну колодца

**Οδυσσέας Ελύτης – από τη συλλογή
«Προσανατολισμοί»**

Φλοίσβος φιλί στη χαϊδεμένη του άμμο – Έρωτας

Τη γαλανή του ελευθερία ο γλάρος

Δίνει στον ορίζοντα

Κύματα φεύγουν έρχονται

Αφρισμένη απόκριση στ' αυτιά των κοχυλιών

Ποιος πήρε την ολόξανθη και την ηλιοκαμένη;

Ο μπάτης με το διάφανό του φύσημα

Γέρνει πανί του ονείρου

Μακριά

Έρωτας την υπόσχεσή του μουρμουρίζει – Φλοίσβος.

Одиссеас Элитис — Из сборника “Ориентиры”

Плеск поцелуй на влажном песке побережья — Эрос

Волю свою лазурную легкая чайка

Дарит горизонту

Волн прилив и отлив

На ушко раковине шепчет пена морская

Кому — загорелая кому — златокудрая дева?

Бриза прозрачное чистое веянье

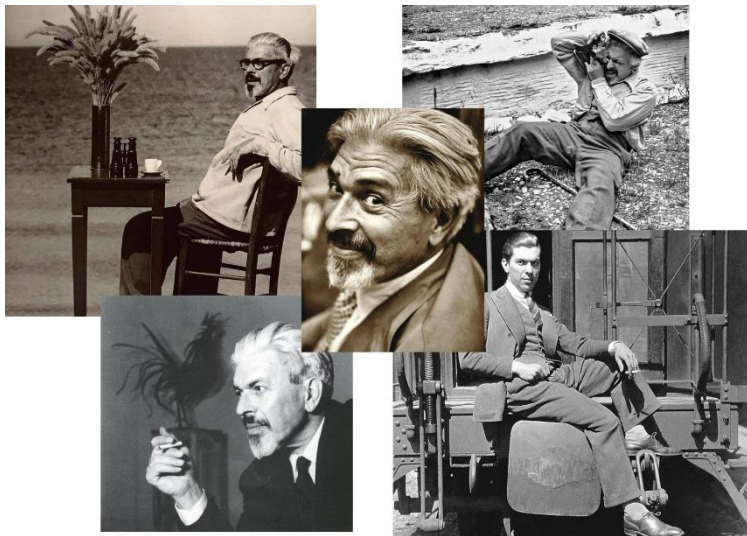
Грез паруса колышет

Вдали

Эрос бормочет сонно свои обещанья — Плеск.

(перевод И. Ковалевой)

ΑΝΔΡΕΑΣ ΕΜΠΕΙΡΙΚΟΣ (1901–1975)

ΣΥΜΠΛΗΡΩΣΙΣ ΦΟΡΤΗΓΟΥ ΑΤΜΟΠΛΟΙΟΥ

Σαν τα νερά ενός ορκωτού δικαστηρίου ταραχτηκε η γαλήνη των ματιών της, αλλά το ανάβλεμμά της κατίσχυσε εν τέλει και πέταξε στην αιθρία του θολωτού της ονείρου όπως πετά μια μύγα από τη μύτη ενός κοιμωμένου παιδιού στην τύρβη μιας πολύφωτης σιγής. Τότε οι τηρηταί των νόμων συνελθόντες απεφάσισαν να σκοτώσουν την σιγή μια για πάντα και να στήσουν ακριβώς στο ίδιο σημείο το άγαλμα της γαλήνης των ματιών της γιατί η νέα γυναίκα κρατούσε στα χέρια της το ανάβλεμμά της σαν θαυματουργό φίδι.

АНДРЕАС ЭМБИРИКОС (1901–1975)

Греческий поэт, прозаик, один из пионеров психоанализа в стране, а главное – «отец» греческого сюрреализма. Выходец из семьи потомственных судовладельцев с Андроса, прослужив во флоте, выбрал гуманитарную стезю, начав своё обучение на философском факультете Афинского университета и продолжив его в Лондоне и Лозанне. Во время своего пребывания в Париже А.Э. вошёл в круг французских сюрреалистов во главе с А. Бретоном и, восприняв философию направления и основные творческие техники (автоматическое письмо и пр.), в 1935 году раскрыл их на публичной лекции в Греции и в своём знаковом поэтическом сборнике «Доменная печь». Поэтика А.Э. – это сплав эротизма, психоанализа, иронии и отчасти оптимизма манифестанта. Его творчество вдохновило целую плеяду выдающихся поэтов сюрреалистов, обретших в последствии свой собственный поэтический голос.

ЗАПОЛНЕНИЕ ГРУЗОВОГО ПАРОХОДА

Словно воды суда присяжных смутилась
безмятежность ее глаз но в конце концов ее взгляд
вознесся в синеву ее сводчатого сна как возносится
муха с носа спящего ребенка в гвалте многоцветной
тишины. Тогда блюстители законов собравшись
решили убить тишину раз и навсегда и воздвигнуть
прямо в том же самом месте статую безмятежности ее
глаз потому что молодая женщина держала в руках
свой взгляд как чудотворную змею.

(пер. Е.Сартори)

ΧΕΙΜΕΡΙΝΑ ΣΤΑΦΥΛΙΑ

Της πήραν τα παιγνίδια και τον εραστή της. Έσκυψε λοιπόν το κεφάλι και παρ' ολίγον να πεθάνει. Μα τα δεκατρία ριζικά της σαν τα δεκατέσσερά της χρόνια εσπάθισαν τη φευγαλέα συμφορά. Κανείς δεν μίλησε. Κανείς δεν έτρεξε να την προστατεύσει κατά των υπερπόντιων καρχαριών που την είχαν ήδη ματιάξει όπως ματιάζει η μύγα ένα διαμάντι μια χώρα μαγεμένη. Κ' έτσι ξεχάστηκε ανηλεώς αυτή η ιστορία όπως συμβαίνει κάθε φορά που ξεχνιέται από τον δασοφύλακα το αστροπελέκι του στο δάσος.

ΣΤΗΓΜΗ ΠΟΡΦΥΡΑΣ

Καμιά σχισμή δε διευρύνεται χωρίς τον πόθο
Στα κάγκελα του κήπου ανοίγουν τα φτερά τους τα πουλιά
Η γειτνίασις του ποταμού τα προσελκύει
Το πάθος του γυπαετού για το άσπρο περιστέρι
Είναι αποκορύφωμα βουνού με χιονισμένη κορυφή
Όταν λυώνουν οι πάγοι τραγουδάμε στις κοιλάδες
Τα νερά μάς μεθούν
Οι κόρες των ματιών μας πλένουν τους θησαυρούς των

ЗИМНИЙ ВИНОГРАД

Забрали у нее игрушки и ее любовника. Голову она склонила и чуть было не погибла. Но ее тринадцать судеб словно четырнадцать ее годов закололи мимолетную беду. Никто и слова не проронил. Никто и не поспешил ее защитить от акул что за океаном ее уже приметили сглазом как примечает муха алмаз землю зачарованную. И так была безжалостно забыта эта история как это каждый раз бывает когда лесничий забывает свою молнию (звездный топор) в лесу.

(пер. П. Мелькаевой)

МГНОВЕНИЕ ПУРПУРА

Ни одна расщелина не расширяется без страсти

На решетках сада крылья расправляют птицы

Их привлекает близость рек

Страсть коршуна к голубке белой

Есть горный пик с заснеженной вершиной

Когда льды таят мы поем в долинах

Нас опьяняют воды

Зеницы очей наших омывают свои богатства

Одни светловолосые, другие чернокудрые

Άλλες ξανθές και άλλες μελαχροινές
Έχουν στην όψι τους την ανταύγεια των ελπίδων μας
Έχουν στο στήθος τους το γάλα της ζωής μας
Κ' εμείς στεκόμαστε τριγύρω τους
Παντοτινά κελεύσματα μας περιβάλλουν
Οι θρόμβοι των βουνών πάλλονται και διαλύονται
Τα χιόνια τους είναι τραγούδια της ελεύσεως των νέων
χρόνων
Τα χρόνια αυτά είναι η ζωή μας
Μέσ' στις κουφάλες τους αναπαύονται το μεσημέρι τα
πουλιά
Καμιά σχισμή δε διευρύνεται χωρίς τον πόθο της
διευρύνσεως
Καμιά φορά γινόμαστε κλεψύδρες
Κ' οι σπόγγοι σφαδάζουν για την κάθε μας σταγόνα.

Являют в своем облике отблеск надежд наших
Являют в грудях своих млеко жизни нашей
И мы стоим подле них
Вечные указы нас окружают
Стустки гор трепещут и крушатся
Их снега есть песни наступления новых времен
Эти годы есть жизнь наша
В их низинах в полуденные часы отдыхают птицы
Ни одна расщелина не расширяется без страсти
расширений
Иногда мы обретаем форму клепсидры
И губки трепещут желая каждую нашу каплю.

(пер. П. Мелькаевой)

ΚΛΩΣΤΗΡΙΟΝ ΝΥΚΤΕΡΙΝΗΣ ΑΝΑΠΑΥΛΑΣ

Είμεθα όλοι εντός του μέλλοντός μας. Όταν τραγουδάμε εμπρός στους εκφραστικούς πίνακες των ζωγράφων όταν σκύβουμε εμπρός στα άχυρα μιας καμμένης πόλεως όταν προσεταιριζόμεθα την ψιχάλα του ρίγους είμεθα όλοι εντός του μέλλοντός μας γιατί ό,τι και αν επιδιώξουμε δεν είναι δυνατόν να πούμε όχι να πούμε ναι χωρίς το μέλλον του προορισμού μας όπως μια γυναίκα δεν μπορεί να κάμη τίποτε χωρίς την πυρκαγιά που κλείνει μέσα στη στάχτη των ποδιών της. Όσοι την είδαν δε στάθηκαν να ενατενίσουν ούτε τα συστρεφόμενα κηπάρια ούτε την ευωχία των μαλλιών που λατρεύτηκαν ούτε τα σουραύλια των εργαστηριακών μεταγγίσεων από μια χώρα σε φλέβες κόλπου θερμού προστατευομένου από τα εγκόσμια και τα μελτέμια της κυανής ανταύγειας λυγερών παρθένων. Είμεθα όλοι εντός του μέλλοντος μιας πολυσύνθετης σημαίας που κρατεί τους εχθρικούς στόλους εμπρός στα τείχη της καρδιάς μου κατοχυρώνοντες ψευδαισθήσεις πιστοποιούντες ενδιάμεσες παρακλητικές μεταρρυθμίσεις χωρίς να νοηθή το αντικείμενον της πάλης. Στιγμιότυπα μας απέδειξαν την ορθότητα της πορείας μας προς τον προπονητήν του ιδίου φαντάσματος της προελεύσεως των ονείρων και του καθενός κατοίκου της καρδιάς μιας παμπαλαίας πόλης. Όταν εξαντληθούν τα χρονικά μας θα φανούμε γυμνότεροι και από την άφιξι της καταδίκης παρομοίων πλοκαμιών και παστρικών βαρούλκων γιατί όλοι μας είμεθα εντός της σιωπής του κρημνιζομένου πόνου στα γάργαρα τεχνάσματα του μέλλοντός μας.

ПРЯДИЛЬНЯ НОЧНОГО ОТДОХНОВЕНИЯ

Мы все находимся внутри нашего будущего. Когда мы поем перед экспрессивными полотнами художников когда мы склоняемся перед соломой сожженного города когда мы сближаемся с моросью дрожи мы все находимся внутри нашего будущего потому что к чему бы мы не стремились невозможно сказать нет сказать да без будущего нашего предназначения как женщина не может ничего сделать без пожара который кроется в пепле ее ног. Все кто ее видел не задержались рассмотреть ни витые садики ни пиры ее вожделенных волос ни флейты лабораторных переливаний из одного края в вены бухты теплой защищенной мирской жизнью и пассатными ветрами лазурного отблеска нежных дев. Мы все находимся внутри будущего сложного знамени которое сдерживает вражеский флот у стен моего сердца укрепляя иллюзии подтверждая промежуточные призывные преобразования без понимания предмета борьбы. Моментальные снимки нам продемонстрировали правильность нашего движения к инструктору того же видения происхождения сновидений и каждого жителя сердца очень старого города. Когда исчерпаются наши хроники мы окажемся более нагими чем прибытие приговора подобных щупальцев и безупречных лебедек потому что мы все находимся внутри безмолвия обрушившейся боли в прозрачные ухищрения нашего будущего.

(пер. Е.Сартори)

ΠΑΡΟΥΣΙΑ ΑΓΓΕΛΩΝ ΕΝΤΟΣ ΑΤΜΟΜΗΧΑΝΗΣ

Όταν με την βαρύτητα του ανέμου που συναρπάζει τα φρόκαλα μέσ' απ' τα πόδια των μανάδων εσάλπησε το πεφταστέρι τις τελευταίες εντολές των θεανθρώπων σηκώθηκε υπερήφανος ο φθόγγος και μ' ευκαμψία τελείου μηχανικού λεπτολογήματος παρέσυρε την ευτυχία προς τα πελάγη μιας παμμεγίστης παλιρροίας. Τότε συνέβη να φτερνισθούν οι φυσητήρες και όλα τα κήτη ανέστρεψαν την κοιλιά τους και κατεποντίσθησαν αύτανδρα τα περασμένα κουφάρια υπέρ της αναγεννήσεως της ευτυχίας υπέρ της εκπληρώσεως των εσχατιών υπέρ της ειρήνης υπέρ της αμαυρώσεως υπέρ της εκλάμψεως της αληθείας υπέρ της κατισχύσεως των ρόδων και της μαγικής αράχνης εν έτει χαράς για τον αιώνα των μεγάλων ολισθημάτων των κυμάτων επάνω στα στεκούμενα καράβια.

ПРИСУТСТВИЕ АНГЕЛОВ ВНУТРИ ПАРОВОГО ДВИГАТЕЛЯ

Когда с тяжестью ветра что захватывает ветоши среди ног матерей протрубила павшая звезда последние заповеди бого-людей поднялся горделивый звук и с грацией идеальной механической кропотливости протянул счастье к морям всеобъемлющего потока.

Тогда случилось так что запыхтели кашалоты и все киты разверзли чрево свое и пошли ко дну со всем живым на борту бывые падали ради возрождения счастья ради сведения

концов ради спокойствия ради очернения ради озарения правды ради господства бутонов роз и магической паучихи в год радости за век великих заблуждений волн над стоячими кораблями.

(пер. П. Мелькаевой)

ΝΙΚΟΣ ΕΓΓΟΝΟΠΟΥΛΟΣ (1907 – 1985)

ΤΟ ΚΑΡΑΒΙ ΤΟΥ ΔΑΣΟΥΣ

ξέρω ότι

αν είχα

μια φορεσιά

– ένα φράκο –

χρώματος πράσινο
ανοιχτό

με μεγάλα κόκκινα
σκοτεινά λουλούδια

αν στη θέση της

αόρατης

αιολικής άρπας που μου
χρησιμεύει

για κεφάλι

είχα μια τετράγωνη
πλάκα

НИКОС ЭНГОНОПУЛОС (1907 – 1985)

Художник и поэт, один из самых «ортодоксальных» представителей греческого сюрреализма. Н. Э. удивительным образом соединил в своём творчестве идеи французского модернизма и художественные традиции пост-византийского искусства, воспринятые от своего учителя, Ф. Кондоглу, в Школе изящных искусств в Афинах. Н.Э. стал вторым после А. Эмбрикоса греческим поэтом, опубликовавшим сборник сюрреалистической поэзии, но признание он получил только в 1958 году, будучи награждённым Государственной поэтической премией. После войны Н.Э. начал академическую карьеру профессора свободного рисунка и истории искусства. Художественный язык Н.Э. – это уникальный синтез сюрреализма не как направления, но как мироощущения и иронической рецепции греческой истории и мифологии; футуристичной манеры Джорджо де Кирико и искренность византийской иконографии Фотиса Кондоглу.

ЛЕСНОЙ КОРАБЛЬ

я знаю что	если бы на месте
если бы у меня был	невидимой
костюм	эоловой арфы которая
– фрак –	служит мне
светло-зеленого цвета	головой
с большими темно- красными цветами	был бы у меня квадратный брусок

πράσινο σαπουνί
έτσι που ν' ακουμπά
απαλά
η μια της άκρη
ανάμεσα στους δυο μου
ώμους

αν ήταν δυνατό
ν' αντικαταστήσω
τα ιερά σάβανα
της φωνής μου
με την αγάπη
που έχει
μια μεταφυσική μουσική
κόρη

για τις μαύρες ομπρέλλες
της βροχής

ίσως τότες
μόνο τότες
θα μπορούσα να πω
τα φευγαλέα οράματα
της χαράς
που είδα κάποτες
– σαν ήμουν παιδί –
κυττάζοντας
ευλαβικά
μέσα στα στρογγυλά
μάτια
των πουλιών

зеленого мыла
так чтобы он опирался
осторожно
одним своим краем
между двух моих плеч

если бы было возможно
заменить
священные саванны
моего голоса
любовью
которую испытывает
метафизическая
музыкальная девушка
к черным дождевым
зонтам

возможно тогда
только тогда
я смог бы рассказать
о тех мимолетных
видениях
радости
которые я заметил
однажды
– когда был ребенком –
глядя
с почтением
в круглые
глаза
птиц

(пер. Д.Васиной)

ΙΣΩΣ

Βρέχει... Κι' όμως λυπούμαι να σας το πω: ήταν, να, ένα σπίτι, ένα μεγάλο θεώρατο σπίτι. Ήτανε έρημο. Δεν είχε κανένα παράθυρο, κι' είχε όλο μπαλκόνια και μια μεγάλη καπνοδόχο. Εκεί καθόταν μια κοπέλλα δίχως μάτια, που αντί για φωνή είχε ένα λουλούδι. Με ρώτησε:

– Μα τι είχατε και καρφώνατε, έτσι, σήμερις από το πρωί;

– Α, τίποτες... τίποτες. Μιλούσα με τον Όμηρο.

– Με τον Όμηρο, τον ποιητή;

– Ναι, με τον Όμηρο τον ποιητή, και μ' έναν άλλο Όμηρο, απ' τη Μοσχόπολη αυτός, που έζησε όλη του τη ζωή πάνου στα δέντρα, σαν πουλί, κι όμως ήτανε γνωστός σαν «άνθρωπος του γιοφυριού» στις γειτονιές κοντά στη λίμνη.

ΤΡΑΜ ΚΑΙ ΑΚΡΟΠΟΛΙΣ

le soleil me brûle et me rend lumineux

μεσ' στη μονότονη βροχή

– που νέκρωσε η βροχή –

τις λάσπες

πηγαίνουν προς

την τεφρήν ατμόσφαιρα

τα

τα τραμ περνούνε

τέρματα

και μέσ' από την έρημη
αγορά

МОЖЕТ БЫТЬ

Идет дождь... И все же мне жаль говорить вам это: вот был некий дом, большой, громадный дом. Он был пуст. В нем совсем не имелось окон, только балконы и большая дымовая труба. Там сидела девушка без глаз, с цветком вместо голоса. Она спросила меня:

- Что вы стучали так сегодня с самого утра?
- Ах, ничего... ничего. Я говорил с Гомером.
- С Гомером – поэтом?
- Да, с Гомером – поэтом, и с другим Гомером, из Мосхополя, тем, что прожил всю жизнь на деревьях, словно птица, и однако же был известен в окрестностях озера как «человек моста».

(пер. Д.Васиной)

ТРАМВАЙ И АКРОПОЛЬ

солнце обжигает меня и отдает мне свет

среди	монотонного	и	через	пустынную
дождя			площадь	
слякоти		–	вымершую	из-за
пепельной атмосферы			дождя –	
ходят трамваи			Отправляются к	
			конечной	

η σκέψη μου
γιομάτη συγκίνηση
τ' ακολουθεί στοργικά
ώσπου
να φθάσουν
εκεί π' αρχίζουν τα
χωράφια
που πνίγει η βροχή
στα τέρματα

τί θλίψη θα ήτανε – Θέ
μου –

τί θλίψη
αν δε με παρηγορούσε
την καρδιά
η ελπίδα των μαρμάρων
κι' η προσδοκία μιας
λαμπρής αχτίδας
που θα δώσει νέα ζωή
στα υπέροχα ερείπια

απαράλλαχτα όπως
ένα κόκκινο λουλούδι
μέσ' σε πράσινα φύλλα

моя мысль
полная умиления
нежно следует за ними
пока
они не придут
туда где начинаются
поля
которые топчет дождь
к конечной

как печально было бы –
Боже мой –
как печально

если бы не утешала мое
сердце
надежда мрамора
и ожидание сияющего
луча
что подарит новую
жизнь
прекрасным руинам

в точности так же как
алый цветок
среди зеленых листьев

(пер. Д.Васиной)

ΟΔΥΣΣΕΑΣ ΕΛΥΤΗΣ (1911 - 1996)

ОДИССЕАС ЭЛИТИС (1911 - 1996)

Поэт, лауреат нобелевской премии по литературе (1979 г.). Начавший свой творческий путь в рамках сюрреализма, О.Э. в последствии становится самостоятельной фигурой новогреческой поэзии. Уже в первых двух сборниках «Ориентиры» (1940г.) и «Солнце Первое» (1943 г.) прослеживается попытка примирить революционные теории западного модернизма и укоренённость в греческой традиции. Своё полное воплощение многосоставная поэтика О.Э нашла в главном труде его жизни – поэме «Достойно есть» (1959г.), ставшей своеобразным рубежом в преодолении общенациональной травмы крушения «Великой идеи» и в метафизическом осмыслении трагических событий XX века, что лучше всего отразилось в формулировке обоснования награды на Нобелевской премии: *За поэтическое творчество, которое в русле греческой традиции, с чувственной силой и интеллектуальной проницательностью рисует борьбу современного человека за свободу и независимость.*

Из книги Солнце первое

Как накануне вечером, когда что-то у тебя разбилось

Старая дружба фарфоровое воспоминание

Снова как несправедно умел ты судить

Ты видишь теперь когда рассвело

И горько во рту у тебя прежде глотка кофе

Бесцельно размахивая руками, — кто знает, — быть может,

VIII

Ἐξῆσα τ' ὄνομα τὸ ἀγαπημένο
Στὸν ἵσκιο τῆς γιαγιᾶς ἐλιᾶς
Στὸν ρόχθο τῆς ισόβιας θάλασσας.

Ἐκεῖνοι ποὺ μὲ λιθοβόλησαν δὲν ζοῦνε πιά
Μὲ τὶς πέτρες τοὺς ἔχτισα μιὰ κρήνη
Στὸ κατώφλι τῆς ἔρχονται χλωρά κορίτσια
Τὰ χεῖλια τοὺς κατάγονται ἀπὸ τὴν αὐγή
Τὰ μαλλιά τοὺς ξετυλίγονται βαθιὰ στὸ μέλλον.

Ἐρχονται χελιδόνια τὰ μωρὰ τοῦ ἀνέμου
Πίνουν πετοῦν νὰ πάει μπροστὰ ἡ ζωή

В какой-то другой жизни ты вызываешь эхо и по этой
причине

(Или, может быть, и от мысли

Некогда столь могучей, что она выдается вперед)

Напротив тебя, вдруг, сверху донизу зеркало дает
трещину

VIII

Жил я с любимым именем

В тени старушки оливы

В рокоте вечного моря.

Тех что камни бросали в меня уже нет в живых

Их камни собрав соорудил я источник

Возле него собираются девочки юные юные

Губы у них рождены зарей

Волосы развеваются устремляясь в далекое будущее.

Прилетают ласточки ветра младенцы

Пьют и взмывают чтобы жизнь летела вперед

Τὸ φόβητρο τοῦ ὀνείρου γίνεται ὄνειρο
Ἡ ὁδὺνὴ στρίβει τὸ καλὸ ἀκρωτήρι
Καμιά φωνὴ δὲν πάει χαμένη στοὺς κόρφους τ' οὐρανοῦ.

Ὡ ἀμάραντο πέλαγο τί ψιθυρίζεις πές μου
Ἄπο νωρὶς εἶμαι στο πρωινό σου στόμα
Στὴν κορυφὴν ὅπου προβάλλ' ἡ ἀγάπη σου
Βλέπω τὴ θέληση τῆς νύχτας νὰ ξεχύνει τ' ἄστρα
Τὴ θέληση τῆς μέρας νὰ κορφολογάει τὴ γῆ.

Σπέρνω στοὺς κάμπους τῆς ζωῆς χίλια μπλαβάκια
Χίλια παιδιὰ μέσα στὸ τίμιο ἀγέρι
Ὡραῖα γερά παιδιὰ ποὺ ἀχνίζουν καλοσύνη
Καὶ ξέρουν ν' ἀτενίζουν τοὺς βαθιοὺς ὀρίζοντες
Ὅταν ἡ μουσικὴ ἀνεβάζει τὰ νησιά.

Χάραξα τ' ὄνομα τὸ ἀγαπημένο
Στὸν ἴσκιο τῆς γιαγιᾶς ἐλιᾶς
Στὸν ρόχθο τῆς ισόβιας θάλασσας.

Страх сновидений превращается в сон
Печаль минует мыс доброты
В полнозвучии неба ни один не теряется голос.

О нетленное море о чем ты шепчешь скажи
Спозаранку я в устах твоих утренних
На вершине где обозрима твоя любовь
Вижу желание ночи выплеснуть звезды
Желание дня изведать всю прелесть земли.

Сею в долинах жизни тысячи синих точек
Вручаю честному ветру тысячу красивых детей
Красивых крепких излучающих доброту
Способных видеть дальние горизонты
Когда в звуках музыки вздымаются острова.

Высек я имя любимое
В тени старушки оливы
В рокоте вечного моря.

(пер. С. Ильинской)

ΑΕΙΟΝ ΕΣΤΙΝ – Η ΓΕΝΝΗΣΙΣ

ΣΤΗΝ ΑΡΧΗ τὸ φῶς Καὶ ἡ ὥρα ἡ πρώτη
ποὺ τὰ χεῖλη ἀκόμη στον πηλό
δοκιμάζουν τὰ πράγματα τοῦ κόσμου

Αἶμα πράσινο καὶ βολβοὶ στὴ γῆ χρυσοί
Πανωραία στὸν ὕπνο της ἄπλωσε καὶ ἡ θάλασσα
γάζες αἰθέρος τὶς ἀλεύκαντες
κάτω ἀπ' τὶς χαρουπιές καὶ τοὺς μεγάλους ὄρθιους
φοίνικες τὸν κόσμο

Ἐκεῖ μόνος ἀντίκρισα
κλαίγοντας γοερά

Ἡ ψυχὴ μου ζητοῦσε Σηματωρὸ καὶ Κήρυκα
Εἶδα τότε θυμάμαι
τις τρεῖς Μαύρες Γυναῖκες
νὰ σηκώνουν τὰ χέρια κατὰ τὴν Ἀνατολὴ
Χρυσωμένη τη ράχη τους καὶ τὸ νέφος ποὺ ἄφηναν λίγο
λίγο σβήνοντας
δεξιὰ Καὶ φυτὰ σχημάτων ἄλλων

Из поэмы “ДОСТОЙНО ЕСТЬ” БЫТИЕ

В НАЧАЛЕ свет И самый первый час

когда губы сквозь глину ещё

пробуют явления мира

Кровь зелёная и клубни в земле золотые

Прекрасная в дрёме простёрла и даль морская

кисею эфирную небелёную

под ветвями рожковых деревьев и прямыми высокими
пальмами

Там один я предстал пред миром

горько плача

Моя душа звала Вестника и Глашатая

Тогда я увидел помню

трёх Чёрных Жён

воздевающих руки к Восходу

В позолоте их спины и туча тянулась за ними

рассеиваясь

понемногу, справа

И растения странных форм

Ήταν ὁ ἥλιος μὲ τὸν ἄξονά του μέσα μου
πολύαχτιδος ὅλος ποὺ καλοῦσε Καὶ
αὐτὸς ἀλήθεια ποὺ ἤμουνα Ὁ πολλοὺς αἰῶνες πρὶν
Ὁ ἀκόμη χλωρὸς μὲς στὴ φωτιά Ὁ ἄκοπος ἀπ' τὸν
οὐρανὸ

Ἐνιωσα ἦρθε κι ἔσκυψε
πάνω ἀπ' τὸ λίκνο μου

ἴδια ἢ μνήμη γινάμενη παρόν
τὴ φωνὴ πῆρε τῶν δέντρων, τῶν κυμάτων:

«Εντολὴ σου» εἶπε «αὐτὸς ὁ κόσμος
καὶ γραμμένος μὲς στὰ σπλάχνα σου εἶναι
Διάβασε καὶ προσπάθησε
καὶ πολέμησε» εἶπε

«Ο καθεὶς καὶ τὰ ὅπλα του» εἶπε

Καὶ τὰ χέρια του ἄπλωσε ὅπως κάνει

νέος δόκιμος Θεὸς γιὰ νὰ πλάσει μαζὶ αλγηδόνα κι
ευφροσύνη,

Πρῶτα σύρθηκαν μὲ δύναμη καὶ ψηλὰ πάνω ἀπὸ τὰ
μπεντένια ξεκαρφώθηκαν πέφτοντας οἱ Ἑφτὰ Μπαλτάδες

καταπῶς ἢ Καταιγίδα
στὸ σημεῖο μηδέν ὅπου εὐωδιάζει
ἀπαρχῆς πάλι ἓνα πουλί

Было солнце с осью своею внутри меня
всё лучащееся призывное И тот
кем воистину был я Много веков назад
В огне ещё зеленающий От неба не отсечённый
Подошёл и склонился я чувствовал
над моей колыбелью
словно память сама превратившись в явь
голосами волн и деревьев заговорила:
«Заповедан тебе» он рёк «сей мир
и на сердце твоём записан
Так прочти и дерзай
и сразись за него» он рёк мне
«К своему оружию каждый» он рёк
И простёр свои руки точь-в-точь как мог бы
молодой послушник Бог чтобы боль с веселием
сплавить вместе.
Сперва проскользнули с силой
и с высокого бастиона сорвавшись рухнули
Семь Секир
совсем как Гроза бывает
в нулевую точку где птаха малая

καθαρό παλιννοστοῦσε τὸ αἷμα

καὶ τὰ τέρατα ἔπαιρναν τὴν ὄψιν ἀνθρώπου

Τόσο εὐλόγο τὸ Ἀκατανόητο

"Ὑστερα καὶ οἱ ἄνεμοι ὅλοι τῆς φαμίλιας μου ἔφτασαν

τ' αγόρια μὲ τὰ φουσκωμένα μάγουλα

καὶ τὶς πράσινες πλατιές οὐρές ὅμοια Γοργόνες

καὶ ἄλλοι γέροντες γνώριμοι παλαιοί

ὀστρακόδερμοι γενειοφόροι

Καὶ τὸ νέφος ἐχώρισαν στὰ δύο Καὶ αὐτὸ πάλι στὰ
τέσσερα καὶ τὸ λίγο ποὺ ἀπόμεινε φύσηξαν καὶ
ξαπόστειλαν στο Βορρά Μὲ πλατὺ πάτησε πόδι στα νερά
καὶ ἀγέρωχος ὁ μέγας Κούλες

Ἦ γραμμὴ τοῦ ὀρίζοντα ἔλαμψε

ὁρατὴ καὶ πυκνὴ καὶ ἀδιαπέραστη

ΑΥΤΟΣ ὁ πρῶτος ὕμνος.

вновь с начала песню благоухает

кровь чистейшая из изгнания возвращалась

и чудовища принимали человеческое обличье

Столь разумно Непостижимое

А потом и все братцы - ветры ко мне сошлись

мальчишки с надутыми щеками

и зелёными хвостами широкими ровно как у русалок

и другие, старцы, знакомцы
давнишние

бородатые панцирнокожие

И тучу они разделили на две А затем на четыре части
и немногое что осталось на север сдунули встала в
воду стопой широкой горделивая крепость Кулес

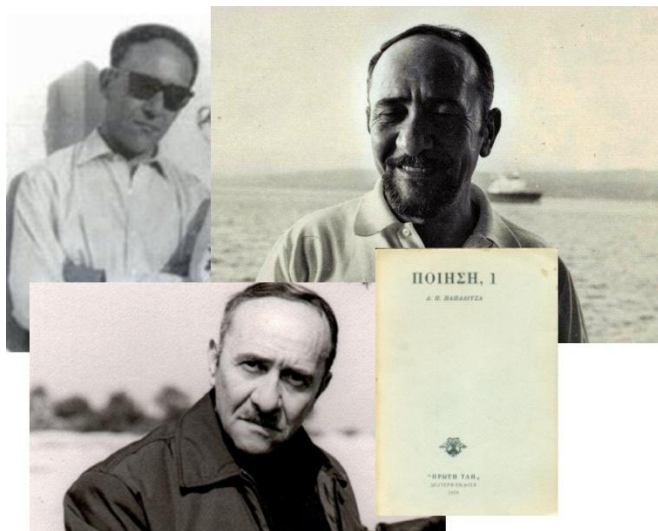
Просияла линия горизонта

густая зримая неприступная

СЕ первый гимн.

(пер. Ипполита Харламова)

ΔΗΜΗΤΡΗΣ Π. ΠΑΠΑΔΙΤΣΑΣ (1922–1987)

ΕΝΑΝΤΙΟΔΡΟΜΙΑ

Όλα ν' αλλάξουν όνομα και μόνο τ' ουρανού να μείνει το
ίδιο

Την ψυχή να την πούμε ίλιγγο και μέθη, ρουφήχτρα
σκοταδιού και ήλιου

Τον ήλιο να τον πούμε πολλαπλασιασμένο δάσος

Το δάσος έκρηξη σ' άγγιγμα σύννεφου

Το σύννεφο κομμένη κραυγή σκοτωμένου

Τον σκοτωμένο ομορφιά που της έβγαλαν τα μάτια

Τα μάτια κομμάτια ουρανού που σφυροκοπάνε τους
πόθους

ДИМИТРИС П. ПАПАДИЦАС (1922–1987)

Греческий поэт, представитель послевоенного поколения, а также профессиональный врач. Путь Д.П. в греческую словесность начался достаточно рано, в 1943 году, с поэтического сборника «Колодец с фармингами». Первые поэтические эксперименты Д.П. несут на себе яркий отпечаток сюрреализма. Постепенно Д.П. разрабатывает уникальный поэтический стиль, не отказываясь при этом от изначальных эстетических ориентиров. Стихотворения Д.П. – это воплощённый поиск высшей правды, выраженный в тонком чувствовании, метафизическом переживании и в конце концов в духовном откровении.

ДВИЖЕНИЕ НАВСТЕЧУ

Пусть все сменит имя и только у неба оно останется
прежним

Душу мы назовем головокружением и опьянением,
водоворотом тьмы и солнца

Солнце назовем умноженным лесом

Лес взрывом в касании облака

Облако разрезанным криком убитого

Убитого красотой у которой вырвали глаза

Глаза кусками неба кующими страсти

Τη νύχτα να την πούμε μυρμηγκιά που εξιλεώνει τη σκέψη

Τη σκέψη αφαίρεση όλων των αριθμών απ' το έξαλλο άθροισμα της πέτρας και της πετριάς

Τη γυναίκα πυράκανθα, τον άντρα και το παιδί αυλό από μυρωδάτο ξύλο

Την πυράκανθα πετριά στο πετρωμένο του νου

Τον αυλό αύρες που φυσούν παντού ως και στα λόγια που τα πίνει η αυγή

Την αυγή να την πούμε μάτι ορθάνοιχτο στα θηρία η στο δίκηο του θεού

Το θεό διαδρομή του άστρου και του ζουφιού στην ίδια αγκιάδα

Όπου ένας λύκος ένα βρέφος κι' ένα αηδόني σκιρτούν στη λέξη «αεί»

Τότε καθώς θα 'χω πλαγιάσει σ' ένα λειβάδι θα 'μαι το αδολοφόνητο κορμί αντάμα μ' όλες τις καμπύλες

Και μ' όλα τ' άγρια πουλιά που 'χε γεννήσει η άμωμη καρδιά

Και θα 'μαι το άστρο που φέγγει μες στο μεσημέρι ίδιο απριλιάτικη περπατησιά

Ο ψίθυρος «κουράγιο φίλε» στο αυτί του κοκκαλιάρη αφρικανού

Μαγνήτης που ηλεκτροθυμίζει, χωάνη κυκλοέλικτη αισθημάτων

Ночь назовем муравейником умиловляющим
мысль

Мысль вычитанием всех чисел из неменяемой суммы
камня и его удара

Женщину облепихой, мужчину и ребенка флейтой из
благоуханного дерева

Облепиху ударом камня по участи разума

Флейту ветерками что дуют повсюду и даже в словах
которые пьет заря

Зарю назовем широко открытым глазом у зверей или у
божьей справедливости

Бога путем звезды и букашки в одну дикость

Где волк младенец и соловей трепещут при слове
«присно»

Тогда я улягусь на лугу я стану неубитым телом сразу
во всех изгибах

И со всеми дикими птицами что родило безупречное
сердце

И я буду звездой светящей в полдень вылитая
апрельская походка

Шепот «держись друг» на ухо костлявому африканцу

Магнит который электронапоминает, воронка с
круговой спиралью чувств

Ανάποδος στροβιλισμός όλων μαζί των ζωντανών μέσα
στο βόγγο της θαλάσσης, όπως καθρεφτίζει

Άστρο τον κάτοικο του ψαροκάλυβου που λείπει:

Εμένα που δε ζω και μες στ' αυτί μου ξαγρυπνάω

Αιώνες.

Αύριο πηγαίνω στην Κόρινθο, σκέφτομαι το λεωφορείο
που θα φτάσει βαρύ

Από σήμερα βουίζει στην καρδιά μου η Κόρινθος

Έτοιμες κιόλας οι χαραμάδες

Κι ένα γαλάζιο φως καταμεσής βυζαντινού μπορντέλου

Πέντε πόρνες μαλώνουν ή χορεύουν

Μη μ' αγγίσουν στο σώμα, καλά θα 'μαι κει γεμάτος
ασπίλα και μια μόνη σκέψη μου

Κυνηγημένη χανούμ στη βιά της να σπάει τα πιθάκια
(ποιος φανταζόταν

Τόσα πουλιά στα πιθάκια) σκαρφαλωμένη στις οροφές
των μουσείων

Обратное кружение всех живых существ в рокоте
моря, как отражает

Звезда жителя рыбацкой хижины которого нет:

Меня неживого и в своем ухе я бодрствую

Веками.

(пер. К.Климовой)

Завтра я еду в Коринф, я думаю об автобусе

он приедет тяжелым

С сегодняшнего дня гудит в моем сердце Коринф

Уже готовы расселины

И голубой свет в самом центре византийского борделя

Пять проституток ссорятся или танцуют

Пусть они не тронут мое тело, мне там будет хорошо
полному

белизны единственной моей мысли

Преследуемая ханум в спешке разбивает горшки (кто
бы мог подумать

Что в горшках столько птиц) и карабкается по крышам
музеев

Αν αύριο δεν πάω στην Κόρινθο
Θε μου πώς θα ιδώ σακατεμένα τα χέρια μου
Πώς θα υποφέρω σ' όλη μου τη ζωή τα γοτθικά
καμπαναριά
Αύριο να φύγει τούτο το ταξίδι απ' το πετσί μου
Να λυτρώσω το κορμί μου απ' αυτό το ταξίδι
Να το τρίψω πάνω στον αγέρα όπως θαμπό μαργαριτάρι
σε μάλλινο ύφασμα
Έτσι να φτάσω στην Κόρινθο μισός άνθρωπος μισός
διαδρομή
Και στη μέση άγριο μελίσσι θυμωμένο.

ΧΟΡΟΣ ΤΩΝ ΑΣΤΡΩΝ

Λάμνουν στο αίμα μας νεανικές φρεγάδες
Που φρεσκοπλένουν κάθε αυγή τον άνεμο
Πόσα πλατάνια ονειρευτήκαμε
Με το οξυγόνο της αγάπης
Πόσες κρήνες με αλλόφρονα μηνύματα
Να θρυμματίζονται στην αιχμή του ύπνου

Если завтра я не поеду в Коринф
Боже мой как я смогу смотреть на свои искалеченные
руки
Как я буду выносить всю жизнь готические колокольни
Пусть завтра это путешествие покинет мою кожу
Я освобожу свое тело от этого путешествия
Я разотру его на ветру словно матовую жемчужину
на шерстяной ткани
Так я приеду в Коринф получеловек полумаршрут
А в середине рой диких пчел разъяренный.

(пер. К.Климовой)

ТАНЕЦ ЗВЁЗД

У нас в крови плывут юношеские фрегаты
Омывающие ветер на каждой заре
О скольких платанах мы мечтали
С кислородом любви
О скольких родниках с безумными посланиями
Дробящимися на острие сна

Τα κεντημένα επιφωνήματα στα χέρια μου
Εχέμυθη λιτανεία των άστρων
Τα κλείθρα της γαλάζιας θύρας που άνοιξε
Παντού πουλιά με ανοιχτούς ύπνους
Πετούν τα φτερά τους

Διαλύθηκα σε πουλιά
Με το ένστιχτο του ανέμου
Χάθηκα στο χορό της πλώρης
Που αντιφεγγούσε στα βαθιά νερά

Οι εσπερινοί περίπατοι στ' αστέρια
Πέφτουν διαμάντια στην παλάμη της αυγής
Αγαπημένο πρόβλημα του στήθους μου
Εαρινό φτερούγισμα της ηλιαχτίδας
Που ράισες την ηρεμία της γης
Κι από τις πορφυρές ραγισματιές
Πετάγονται χίλια ουράνια τόξα.

Вышитые междометия на моих руках
Хранящий тайну крестный ход звезд
Скважины голубой двери которая открылась
Повсюду птицы с открытыми снами
Летят их крылья

Я разложился на птиц
С инстинктом ветра
Я заблудился в танце носа корабля
Который отсвечивал в глубоких водах

Вечерние прогулки по звездам
Падают алмазами на ладонь зари
Любимая проблема моей груди
Весеннее порхание солнечного луча
Ты что разбил тишину земли
И от пурпурных трещин
Разлетается тысяча радуг.

(пер. К.Климовой)

ΕΤΟΙΜΑΣΙΑ

στὸν Ἑ. Χ. Γονατά

Ἕνας θεὸς τὸ ξέρει πόση λύπη συλλέγεται νὰ κάμει
τὴ συνάντη σὴ μας ἑορταστική

Σὲ περιμένουμε στὸ ἄσπρο μάτι τοῦ φίλου, στίς
χειρονομίες τῶν διαβατῶν

Στὸ μυαλὸ ἐκείνων ποὺ σὲ μιὰ νύχτα προσφέρνουν τὸ
ἅπαν τῆς ζωῆς τους

Διότι ἡ ζωὴ τους κατάντησε ἡ ἓνα στὰ χίλια πιθανότης
αὔριο νὰ ξημερώσει πάνω στὸ δέντρο.

Ἦρθε ἡ ἐποχὴ ποὺ ἑορτάζουμε τὴν ἔλευση τοῦ
θεανθρώπου Κλεισμένοι στὸ ἀεροπλάνο.

Αὐτὸ τὸ ἀπόγευμα, ἐνῶ οἱ εὐχές μας ἄγγελοι σωτῆρες εἶναι
γύρω ἀπ' τὸ ἀεροπλάνο,

Κάτω στὸ ἀεροδρόμιο

Τρεῖς μαθηματικοὶ κι ἓνας χρηματοδότης περιμένουν
ἐσένα,

τὸν ἀντιπρόσωπο τῆς ὀργάνωσης,

ПОДГОТОВКА

Е.Х. Гонатасу

Один только бог знает сколько печали нужно собрать
чтобы сделать нашу

встречу праздничной

Мы ждем тебя в белом глазу друга, в жестах прохожих

В мозгу тех кто за одну ночь отдают все что им дорого
в жизни

Ибо их жизнь дошла до вероятности один к тысяче
встретить завтра

рассвет на дереве

Пришла эпоха когда мы празднуем приход
богочеловека

Запертые в самолете.

Этим вечером, пока наши желания ангелы-спасители
вокруг самолета,

Внизу на аэродроме

Три математика и один меценат ждут тебя,

представителя организации,

Νὰ ρθεῖς κρατώντας τὸ κεφάλι σου ποὺ ἀκόμα ἀπ' τὸ
σφαγμέ- νο στόμα του μικρές

φούσκες φεύγει τὸ ἀνοιξιάτικο πρωί

Ὅλοι σὲ περιμένουμε στὰ ἀκίνητα αὐτοκίνητά μας

Οἱ γυναῖκες μας καὶ τὰ παιδιά μας σὲ περιμένουν στὸ
τραπέζι

Ἐγὼ σὲ περιμένω μὲ τὸ ἓνα πόδι μου στη συντριβὴ καὶ τὸ
ἄλλο στὸ μονοπάτι

Ποὺ ἡ ψυχὴ μου ματώθηκε νὰ τὸ ἀνοίξει.

Τὰ ἥσυχα εὐτυχὴ χαράματα

Γιατί ἀστέρι

Ξέχασες τὸ τραγούδι σου;

Στὰ ἥσυχα χαράματα σὲ περιμένουμε.

Ποιὸς εἶσαι; Δὲν ξέρουμε οὔτε ἂν εἶσαι ἄνθρωπος ἢ
εὖρημα τηλεσκοπίου

Δὲν ξέρουμε ἐπίσης ἂν πρέπει νὰ σὲ περιμένουμε ἢ ὄχι

Ἐπίσης δὲν ξέρουμε ἂν εἶσαι ὄν τῆς φαντασίας ἢ τραῦμα
ἀπὸ σφαίρα.

Чтоб ты пришел держа свою голову из зарезанного рта
которой маленькими

пузырьками уходит весеннее утро

Мы все ждем тебя в наших неподвижных автомобилях

Наши жены и наши дети ждут тебя за столом

Я жду тебя одной ногой в разгроме а другой по
тропинке

Душа моя облилась кровью чтобы открыть ее.

Спокойные счастливые рассветы

Почему звезда

Ты забыла свою песню?

Спокойными рассветами мы ждем тебя.

Кто ты? Мы не знаем даже человек ли ты или находка
телескопа

И также мы не знаем должны ли ждать тебя или нет

Не знаем также творение ли ты фантазии или пулевое
ранение.

(пер. К.Климовой)

ΕΠΑΜΕΙΝΩΝΔΑΣ Χ. ΓΟΝΑΤΑΣ (1924–2006)

Δέ σέ είδα ποτέ στὸ φῶς τοῦ ἡλιοῦ. Τὸ πρόσωπό σου
φεγγοβολοῦσε σιμὰ στὸ ποτάμι τὰ βράδια. Ἐβαφε πράσινο
τὸ μαξιλάρι μου τὶς νύχτες τοῦ ἀγέρα.

Στῆθος περιστέρας περήφανο καὶ λεύτερο, ποιά πανύψηλη
κορυφή βουνοῦ ἄγγιξες καὶ γιόμισες χιόνι τὸ γέλιο τῆς
καλῆς μου;

Ὑπομονή. Θὰ πῆξει τὸ δάκρυ, θὰ γίνει νησί.

Σὲ πέθανα καὶ σὲ ἀνάστησα τόσες φορές. Στὰ
δεντρολίβανα τώρα βουϊζουν λαβωματιές.

ЕПАМИНОНДАС Х. ГОНАТАС (1924–2006)

Поэт и прозаик. Получив юридическое образование, Э.Г. до конца жизни проработал адвокатом, оправдывая тем малый объём своих текстов из-за нехватки времени и страха перед «белым листом». Закрытый человек, в своих произведениях он создавал собственный мир, где переплетаются элементы романтизма, сюрреализма и мистического реализма. Стихотворения в прозе Гонатаса, вдохновлённые творчеством И.В. Тургенева, отличаются удивительной лаконичностью и прозрачностью. Это своего рода квинтэссенция пережитого опыта, дополненная элементами сна, где логичное соседствует с абсурдным, а повседневное с экзотическим.

Я никогда не видел тебя при свете солнца. Твое лицо светилось лунным светом в реке по вечерам. Ты окрашивала зеленым мою подушку в ночи ветра.

Грудь голубки, гордая и свободная, какой высочайшей вершины горы ты коснулась и наполнила снегом смех моей милой?

* * *

Терпение! Загустеет слеза, станет островом.

* * *

Я умерщвлял и воскрешал тебя тысячу раз. Теперь на розмарине воют раны.

* * *

Φυτέψαν ένα πυκνό περιβόλι ανάμεσό μας όμως εγώ πίσω
ἀπ' τὴν πάχνη τῶν λουλουδιῶν του διακρίνω τ' ἄσπρα σου
δόντια πού ξεμακραίνουν καὶ μικρὰ μαῦρα ἔλατα πού
πίνουν στὶς βρύσες τῶν ματιῶν σου.

* * *

Ἀναδύεσαι. Τὰ σκοινιά πού σὲ βαστοῦσαν στὸ βράχο τά
φαγε τὸ κῦμα, ἡ προσευχὴ τοῦ κάβουρα κι οἱ στεναγμοὶ
τῶν πνιγμένων. Ταξιδεύεις στὶς θάλασσες. Ὁ ἄνεμος σοῦ
δίνει κάθε τόσο μιά, θέλοντας νὰ σὲ καταποντίσει.
Χάνεσαι· σὲ λίγο πάλι αναδύεσαι μέσα ἀπὸ τ
αφρολούλουδα ἔρχεσαι συχνά ὅταν εἶναι Γαλήνη κάτω
ἀπὸ τα παράθυρα μου (δεν μπόρεσα ὁμως ποτέ νὰ
ξεχωρίσω καλά τὴ μορφὴ σου). Ἀλλὰ ἔρχεσαι καὶ με τὴ
θύελλα. Εἶσαι νησί ἀπὸ ελαφρόπετρα ἢ μήπως ναυάγιο ἀπὸ
ανάμνηση;

Η ΟΥΛΗ

Η πληγὴ θρέφει, τὰ χεῖλια τῆς σμίγουν ἀργά σαν αὐλαία
βυσσινιά καὶ ὕστερα ἀπὸ χρόνους στὴ θέση τῆς μένει ἓνα
σημάδι, μιὰ ρόδινη ουλὴ, πού σκύβει καὶ τὴ φιλάει.

Ὅλοι τ' ἀγαποῦν τὰ τραύματά τους. Τὰ κρύβουν με
ωραία ατσαλάκωτα υφάσματα, ξέρουν ὁμως σε ποια μεριά
τοῦ κορμιοῦ τους ἀνθισαν, μαράθηκαν, ἔφαγαν δέρμα καὶ
κρέας δικό τους.

* * *

Посадили густой сад между нами; но за толщей его цветов я различаю, как отдаляются твои белые зубы и маленькие черные ели пьют из источников твоих глаз.

* * *

Ты всплываешь. Веревки, тебя державшие в скалах, поглотила волна, молитва краба и стоны утопленников. Ты бороздишь моря. Ветер хлещет тебя то и дело, стараясь утопить. Ты теряешься – и вскоре снова всплываешь в пенных цветах. Ты часто приходишь, когда под моими окнами покой. (Но я никогда не мог как следует разглядеть тебя.) Ты приходишь и с бурей. Ты – остров из оленьего камня или, может быть, кораблекрушение из воспоминания?

(Пер. К.Климовой)

ШРАМ

Рана заживает, ее губы медленно смыкаются, как вишневый занавес, и спустя годы на ее месте остается только след, розовый шрам, который наклоняется и целует ее.

Все любят свои раны. Их скрывают за прекрасными гладкими тканями, но помнят место, где они цвели, увяли, съели кожу и собственное мясо.

Γι' αυτό τ' αγαπούν και, σε ώρες μοναξιάς που κανείς δεν τους βλέπει, σκύβουν και με λατρεία τα φιλούν τα βαθιά, σκοτεινά τραύματά τους.

Η ΒΡΥΣΗ

Μια βρύση με σκουριασμένο λαιμό, χρόνια λησμονημένη πίσω απ' τα σπάρτα, άρχισε να κελαϊδάει στην ησυχία. Τ' αστέρια λιγωμένα ξεκόλλαγαν από τον ουρανό, έπεφταν στη γούρνα και ή γούρνα τα 'στελνε στο ποτάμι και το ποτάμι τα ταξίδευε στα περιβόλια με τα θυμωμένα λουλούδια, τις θρεμμένες κάμπιες, τα φουντωμένα καλάμια, στη ζέστη αγκαλιά της Γης.

Ω ζεστή αγκαλιά της Γης, ω ζεστή αγκαλιά της Αγάπης! Θέλω το τραγούδι μου να το οδηγήσω, σαν γυμνασμένους λεμβούχος, εκεί που ο Ήλιος γυρνάει τη ρόδα του και τα λαμπερά γένεια του ανάβουν κόκκινες καντήλες στα κρύα τζάμια, φυτεύουν θανάσιμες πορτοκαλιές ντάλιες στα γυμνά ωραία γυναικεία κορμιά.

Άλλα το χορτάρι σήμερα, πυκνό και παχύ, πράσινο βαθυπράσινο, σκοτεινό και σίγουρο στην εφήμερη αιωνιότητά του, σβήνει τη φωνή μου, πνίγει τα βήματα μου, γυρίζει μέσα μου το ζεστό μου τραγούδι.

Поэтому их любят и в часы одиночества, когда никто не видит, наклоняются и с обожанием целуют свои глубокие, темные раны.

(Пер. К.Климовой)

ИСТОЧНИК

Источник с почерневшим горлышком, забытый на годы за дроком, начал петь в тишине. Звезды от головокружения отлеплялись от неба, падали в яму, а яма посылала их в реку, а река уносила их в сады с рассерженными цветами, откормленными гусеницами, разросшимся тростником, в горячие объятья Земли.

О горячие объятья Земли, о горячие объятья Любви! Я хочу провести свою песнь, как искусный лодочник, туда, где Солнце поворачивает свое колесо и его сверкающая борода зажигает красные лампы на холодных стеклах, выращивает смертельные оранжевые георгины на прекрасных обнаженных женских телах.

Но сегодня трава, густая и толстая, зеленая-презеленая, темная и уверенная в своей эфемерной вечности, глушит мой голос, душит мои шаги, возвращает внутрь меня мою горячую песню.

(Пер. К.Климовой)

ΘΑ ΜΑΣ ΔΙΩΞΟΥΝ

Στον Μίλτο Σαχτούρη

Δεν ξέρω πώς βρέθηκα σ' αυτό το άθλιο θαλασσοχώρι. Δεν ξέρω αν πρέπει να φύγω ή να μείνω. Δεν θυμάμαι πότε ήρθα κι από πού. Ίσως να 'χω περάσει ολόκληρη ζωή εδώ. Ένα μικρό παιδί κουρελιάρικο μου γνώφει απ' το φεγγίτη να σταματήσω. «Τι να σταματήσω;» του λέω, σηκώνοντας το κεφάλι τόσο ψηλά που παρά λίγο να κυλήσει στην πλάτη μου. Κάθομαι πάνω σ' ένα αμόνι και τα πόδια μου κρέμονται κίτρινα κι αδύνατα ως το πάτωμα· δε θέλω να τα βλέπω γιατί άμα τα βλέπω με πιάνει τρεμούλα ότι έγινα πρόβατο. Γύρω μου παντού γυαλίζουν κομμάτια ντενεκέδες, σβησμένα κάρβουνα και τρίμματα, τρίμματα ψιλά σίδερο. Το παιδί μου δείχνει το μικρό μουσικό όργανο που έχω στα γόνατά μου και το χαϊδεύω. Για φαντάσου, δεν το πρόσεξα! Είναι κατακίτρινο και μακρουλό σαν πεπόνι· το 'χω φτιάξει ο ίδιος με τα χέρια μου.

«Μην παίζεις» μου ψιθυρίζει σιγά κι απ' τα μάτια του στάζουν βροχή τα δάκρυα πάνω στα κάρβουνα. «Ακούγεσαι δίπλα στο μαγαζί. Δεν καταλαβαίνεις πως θα μας διώξουν;»

НАС ПРОГОНЯТ

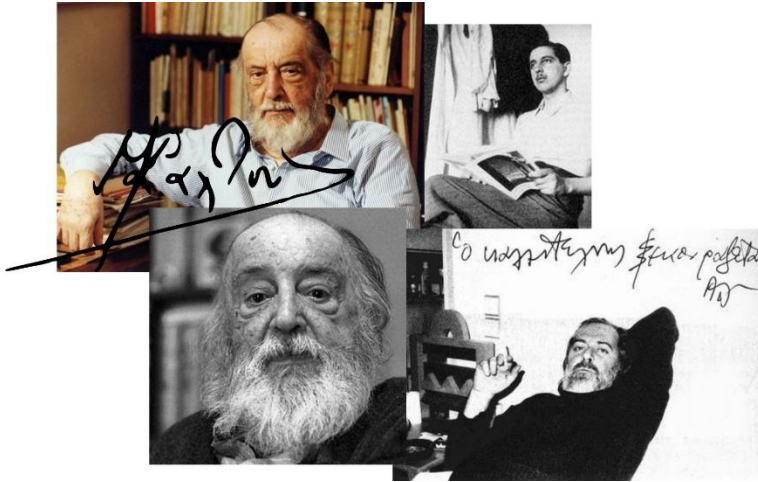
Мильтосу Сахтурису

Я не знаю, как очутился в этой жалкой приморской деревушке. Не знаю, нужно уйти или остаться. Не помню, когда я пришел и откуда. Мо-жет, я прожил здесь всю жизнь. Маленький ребенок в лохмотьях подает из слухового оконца знак, чтобы я прекратил. «Прекратил что?» - спрашиваю я, поднимая голову так высоко, что она чуть не перекачивается мне на спину. Я сижу на наковальне, и мои ноги, желтые и худые, свешиваются до пола; я не хочу их видеть, потому что, когда их вижу, начинаю дрожать от страха, что превратился в овцу. Вокруг меня повсюду блестят куски жестянок, потухшие угли и опилки, мелкие железные опилки. Ребенок показывает на маленький музыкальный инструмент, он лежит у меня на коленях, и я глажу его. Подумать только, а я его не заметил! Он весь желтый и продолговатый, как дыня, - я сделал его собственными руками.

«Не играй! - шепчет он тихо, и из глаз его на угли дождем капаят слезы. - Тебя слышно рядом, в кафе. Разве ты не понимаешь, нас же прогонят?»

(Пер. К.Климовой)

ΜΙΛΤΟΣ ΣΑΧΤΟΥΡΗΣ (1919–2005)

ΤΑ ΓΡΑΜΜΑΤΑ

Θα πάψω πια να γράφω ποιήματα
έριξες το χρυσό σου δαχτυλίδι μες στη
θάλασσα
στην αμμουδιά με το νεκρό κρανίο
κι όλα τα βουλιαγμένα καράβια βγήκαν
στον αφρό
κι ο καπετάνιος ζωντανός
κι οι ναύκληροι να χαμογελάνε
είπα θα πάψω πια να γράφω ποιήματα

МИЛТОС САХТУРИС (1919–2005)

Поэт, представитель послевоенного поколения, продолживший, однако, активно развивать модернистские приёмы межвоенного периода. По настоянию отца поступил на Юридический факультет Афинского университета, но оставил учёбу, чтобы целиком посвятить себя поэзии. В 1943 году М.С. встречает Н. Энгонопулоса, что оказало значительное влияние на его поэтику. М.С. – поэт «закрытого пространства», в центре которого человек, заключённый в мир насилия и абсурда. М.С. отвергает традиционную форму, сочетая символизм, сюрреализм и экспрессионизм, чтобы создать мрачную, но глубоко человеческую поэзию.

БУКВЫ

Я больше не буду писать стихи
золотое кольцо твое брошено в море
на песке где мертвый череп
и все крутобокие корабли выплывали из глубин
и капитан жив
и боцманы улыбаются
я же сказал,
сказал же: больше не буду писать стихи

και στο παράθυρο του σπιτιού μου του προγονικού
ο πατέρας μου και η μητέρα μου
κουνάνε τα μαντίλια τους και χαιρετάνε
τα ποιήματά μου όμως δε μπόρεσαν να
τα διαβάσουν
έχουν ξεχάσει να διαβάζουν
λένε το κάπα άλφα και το δέλτα έψιλον
και συ μου είπες ψέματα
στον τόπο αυτό του κόκκινου γελαστού
κρανίου με ξεγέλασες
γι' αυτό κι εγώ σε γέλασα
και με πιστέψατε
κατάρα με τις εφτά σκιές
πάντα θα γράφω ποιήματα

Ο ΣΩΤΗΡΑΣ

Μετρώ στα δάχτυλα των κομμένων χεριών μου
τις ώρες που πλανιέμαι στα δώματα αυτά τ' ανέμου
δεν έχω άλλα χέρια αγάπη μου κι οι πόρτες
δε θέλουνε να κλείσουν κι οι σκύλοι είναι ανένδοτοι

и в окне нашего дома
отец мой и мать
машут платками, кивают
а вот прочесть мои стихи они не смогли
разучились читать
вместо “к” говорят “а”, вместо “д” – “е”
и я был тобою обманут
там где скалит зубы красная Адамова голова я был
обманут
ну и я тебя обманул
а вы мне поверили
пропади оно семижды пропадом
всегда буду писать стихи

(пер. И.Ковалевой)

СПАСИТЕЛЬ

Считаю на пальцах моих оторвавшихся рук
часами блуждая по этим комнатам где ветер гуляет
любовь моя рук у меня уже нет а двери
не хотят закрываться и собаки неумолимы

Με τα γυμνά μου πόδια βουτηγμένα στα βρόμια αυτά νερά
με τη γυμνή καρδιά μου αναζητώ (όχι για μένα)
ένα γαλανό παράθυρο
πώς χτίσανε τόσα δωμάτια τόσα βιβλία τραγικά
δίχως μια χαραμάδα φως
δίχως μια αναπνοή οξυγόνου
για τον άρρωστο αναγνώστη

Αφού κάθε δωμάτιο είναι και μια ανοιχτή πληγή
πώς να κατέβω πάλι σκάλες που θρυμματίζονται
ανάμεσα απ' το βούρκο πάλι και τ' άγρια σκυλιά
να φέρω φάρμακα και ρόδινες γάζες
κι αν βρω το φαρμακείο κλειστό
κι αν βρω πεθαμένο το φαρμακοποιό
κι αν βρω τη γυμνή καρδιά μου στη βιτρίνα του
φαρμακείου

Όχι όχι τέλειωσε δεν υπάρχει σωτηρία

Θα μείνουν τα δωμάτια όπως είναι
με τον άνεμο και τα καλάμια του

Ступая босыми ногами по этой грязной воде
с сердцем столь же нагим я ищу (не себе)
хотя бы одно голубое окно
зачем столько комнат столько трагических книг
без щелочки света
без глотка кислорода
для больного читателя

Ведь каждая комната открытая рана
как мне пройти по ступеням раскалывающимся
мимо омута и диких собак
принести лекарства и розовый бинт
а что если аптека закрыта
если аптекарь умер
если мое обнаженное сердце у него на витрине

Нет спасения нет

Останутся прежними комнаты
по которым гуляет ветер

με τα συντρίμμια των γυάλινων προσώπων που βογκάνε
με την άχρωμη αιμορραγία τους
με χέρια πορσελάνης που απλώνονται σε μένα
με την ασυχώρετη λησμονιά

Ξέχασαν τα δικά μου σάρκινα χέρια που κοπήκαν
την ώρα που μετρούσα την αγωνία τους

Η MAXH

Άπλωνες όλο άπλωνες τα χέρια σου
στα μπαλκόνια βοηθούσες τους αρρώστους
να κατεβαίνουν
με τα μεγάλα μάτια τα λιγνά τους πόδια
τα λουλούδια τους
ενώ τριγύρω από τα σκοτεινά παράθυρα
όλοι πυροβολούσαν
Άπλωνες όλο άπλωνες το βήμα σου
όπου ψηλά βουνά κι όπου μεγάλοι δρόμοι
μεγάλοι δρόμοι με φωτιές και με περίστροφα

где осколки фарфоровых стонущих лиц
их бесцветное кровотечение
руки фарфоровые что простерты ко мне
непростительное забвение

Как могли они позабыть о руках моих нефарфоровых
настоящих

оторвавшихся под тяжестью меры которой я мерил их
тревогу и боль

(пер. С.Ильинской)

СРАЖЕНИЕ

Ты руки свои простирал

помогая спуститься

больным

с большими от боли глазами неуверенными
движениями цветами

отовсюду из темных окон

стреляли

Ты шаги свои простирал

в высоких горах и на широких проспектах

на проспектах где пылали костры и гремели выстрелы

μ' ένα φτωχό που μοίραζε βίους αγίων
με μια τσιγγάνα που 'θελε παράφορα ένα αβγό
να κάνει μέσα του την πλάση να στενάξει

Άπλωνες όλο άπλωνες το βήμα σου
και μέσα στη βροχή στεκόταν Προσοχή
ο κρεμασμένος
με τα χρυσά σιρίτια το βιολί και το μαντίλι του
με δέκα σύννεφα από λάσπη μέσα στην καρδιά του
κι από τη λάσπη παίρναν τα μικρά παιδιά
και χτίζαν δέκα πολιτείες ονείρου

Άπλωνες όλο άπλωνες τα χέρια σου
κι οι άρρωστοι τώρα είχαν χαθεί κάτω στους
δρόμους
με τα μεγάλα μάτια τα λιγνά τους πόδια
τα τραγούδια τους
ενώ τριγύρω από τα σκοτεινά παράθυρα
όλοι πυροβολούσαν

где нищий раздавал жития святых
где цыганка в порыве безумия просила яйцо
чтобы вселенная воплощенная в нем застонала

Ты шаги свои простирал
там где по стойке смирно стоял под дождем
повешенный
оторочены золотом его скрипка платок
в сердце его десять туч набухших от грязи
ребятишки черпали грязь и строили
десять сказочных городов

Ты руки свои простирал
и больные спустились и по улицах разошлись
с большими от боли глазами неуверенными
движениями и песнями
отовсюду из темных окон
стреляли

(пер. С.Ильинской)

Ο ΠΟΙΗΤΗΣ

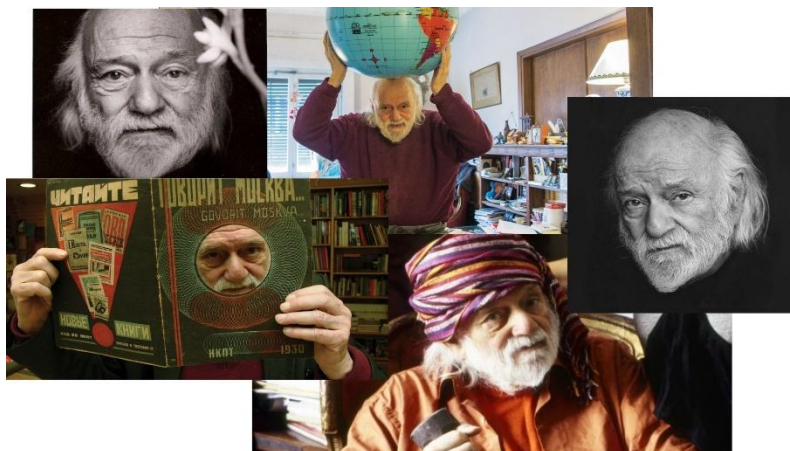
Σα θα με βρούνε πάνω στο ξύλο του θανάτου μου
γύρω θα 'χει κοκκινίσει πέρα για πέρα ο ουρανός
μια υποψία θάλασσας θα υπάρχει
κι έν' άσπρο πουλί, αποπάνω, θ' απαγγέλλει μέσα
σ' ένα τρομακτικό τώρα σκοτάδι, τα τραγούδια μου.

ПОЭТ

Когда меня найдут на кресте моей смерти
вкруг меня от края до края заалееет небо
будет пахнуть морем
и наверху белая птица будет
в ужасающем отныне мраке говорить мои песни

(пер. И.Ковалевой)

ΝΑΝΟΣ ΒΑΛΛΩΡΙΤΗΣ (1921 - 2019)

ΤΡΙΑ ΘΑΛΑΣΣΙΝΑ ΠΡΟΒΛΗΜΑΤΑ (απόσπασμα)

στόν 'Ανδρέα Εμπειρίκο

Α

Πώς ήταν πιά νησί τό νιώσαμε όταν είδαμε τα πουλιά.
Κάπου ἐδῶ κοντά ἡ θάλασσα σπαράζει πάνω στα βράχια
σάν γυναίκα ἄλυσοδεμένη στή στεριά. Κάπου κοντά στο
γιαλό ἓνα σταμνί πανάρχαιο σ' ἓνα ἀνοιχτό παραθύρι
παγώνει, κι ἀνθίζει μιά γλάστρα μέ ἄψινθο καί ἀμάραντο.
Ὅμως ἔπρεπε πρώτα νά διασχίσουμε ὀρισμένες κοιλάδες,
νά κρυφτοῦμε σε σκοτεινές σπηλιές, να χαράζουμε στην
πέτρα ἓνα χαμόγελο, ν' ἀνάψουμε στούς λόφους μερικές
μεγάλες φωτιές ὅπως τὸ ἀπαιτοῦν οἱ συνήθειες τῶν

НАНОС ВАЛАОРИТИС (1921 - 2019)

Поэт, прозаик и эссеист. Его имя прочно связано с европейскими и американскими литературными авангардами XX века: был активным участником сюрреалистического движения, обращался к бит-литературе и панк-поэзии, благодаря чему получил репутацию «вечного подростка» и неустанного экспериментатора. Н.В. учился в Афинском университете, затем продолжил образование в Лондоне и Сорбонне. Особую роль Н.В. сыграл в распространении новейшей греческой литературы за рубежом: именно он первым перевёл на английский язык поэтов поколения 1930-х — Й. Сефериса, О. Элитиса, А. Эмпирикоса, Н. Энгонопулоса и Н. Гатсоса.

ТРИ МОРСКИХ ПРОБЛЕМЫ (*фрагмент*)

Андреасу Эмбирикосу

А

Что это был уже остров – мы почувствовали, когда увидели птиц. Где-то вот здесь рядом море бьётся о скалы, словно женщина, прикованная к суше. Где-то рядом с берегом старинный кувшинчик в открытом окне леденеет, и цветёт горшок с полынью и бессмертником. Но вначале нам следовало пересечь определённые долины, укрываться в тёмных пещерах, высечь на камне улыбку, разжечь на холмах несколько больших костров, как того требуют обычаи тех, кто

ναυαγῶν καί ἡ φαντασία τῶν ποιητῶν. Ὅταν φανεῖ πιά ἡ θάλασσα δέν εἶναι πάντα ὅπως τήν περιμένουμε. Οἱ ἀκτές μοιάζουν πιό ἔρημες, πιό ἀπόκρημνες, τό νερό κουρασμένο καί ταπεινό, καί στ' ἀνοιχτά το πέλαγο ἔχει γεράσει. Ἡ τρικυμία τώρα μαίνεται πρὸς δυσμάς. Ἀλλὰ νησιά ὑποφέρουν, ἄλλα καράβια κινδυνεύουν. Παρόλο πού τρέξαμε, ἦτανε πιά ἀργά. Ἡ παρουσία μας στήν ἀκρογιαλιά ἦταν ἐντελῶς περιττή. Μερικοὶ θέλησαν νὰ τῆς ἀποδώσουν τουλάχιστον ἓνα τυπικὸ χαρακτήρα.

Μά οἱ περισσότεροι δέν μπόρεσαν νὰ κρύψουν τήν ἀνησυχία τους. Τίς κοιλάδες, τίς εἶχαμε ἐγκαταλείψει χωρὶς κανένα πρόσχημα. Τώρα μπροστά στα πόδια μας οἱ ἀμμουδιές ἦταν στρωμένες μέ ἀπομεινάρια. Σπασμένα ξύλα, ἐξαρτήματα πλοίων, βαρέλια, μπουκάλια, παλούκια καί παλαμάρια. Ποῦ καί ποῦ ἓνας νεκρός. Κάποιος πρότεινε νὰ θάψουμε μερικά πτώματα. Ὅμως ἀμέσως φανερώθηκε ἓνα καινούριο ἐμπόδιο. Οἱ νεκροὶ αὐτοὶ ἦταν δικοὶ μας; Ἡ μήπως ἦταν ξένοι; Στάθηκε ἀδύνατο νὰ το ἐξακριβώσουμε. Τούς εἶχε παραμορφώσει τό νερό, καί τά πουλιά εἶχαν καταβροχθίσει τίς σάρκες. Τώρα πιά κανεῖς δέν ἤθελε νὰ γυρίσει. Ἄλλοι ἀπό φόβο, ἄλλοι ἀπό πίκρα, ἄλλοι γιατί τούς ἄρεσε νὰ τριγυρνοῦν μέσ στις σπηλιές, ν' ἀκοῦνε τό βογγητό τοῦ πελάγου.

Γ

Ὅταν φανεῖ πιά ἡ θάλασσα, ἐπαναλαμβάνω, τίποτα δέν μᾶς ἐμποδίζει νὰ βεβαιωθοῦμε ἂν εἶναι πραγματική. Τό νερό ὅταν τό ἐρεθίζει ὁ ἄνεμος ἀσπρίζει καί τινάζεται ἀπελπισμένο ἐπάνω στίς στεριές. Τίς νύχτες το πέλαγος ροχαλίζει σάν ἄνθρωπος πού βλέπει ἐφιάλτες. Ἡ μυρουδιά

потерпел крушение, и воображение поэтов. Когда же море, наконец, является, оно не всегда таково, каким мы его ждём. Берега кажутся пустынным, обрывистым, вода – изнурённой и покорной, а в открытом море воды уже состарились. Буря теперь свирепствует на западе. Острова страдают, а суда в опасности. Хотя мы и побежали, было уже поздно. Наше присутствие на берегу стало совершенно излишним. Некоторые пожелали придать ему хотя бы формальный характер. Но большинство не смогло скрыть своей тревоги. Те долины, которые мы покинули без всякого предлога. Теперь перед нашими ногами песчаные берега были усеяны остатками. Поломанные деревья, части кораблей, бочки, бутылки, багры и тросы. Кое-где мёртвый. Кто-то предлагал похоронить несколько тел. Однако сразу же возникла новая преграда. Нашими были эти мертвецы? Или, может, чужаки? Оказалось невозможным это выяснить. Вода их обезобразила, а птицы сожрали их плоть. Теперь уже никто не хотел возвращаться. Одни – из страха, другие – от горечи, третьи – потому что им нравилось бродить по пещерам, слушая шум моря.

В

Когда же море, наконец, является, повторяю, ничто не мешает нам убедиться, реально ли оно. Вода, возбуждённая ветром, сверкает и отчаянно вздымается на берега. По ночам море храпит, как человек, видящий кошмары. Запах моря неповторим. Соль на коже и на ресницах, губы, что солёны на вкус, когда мы

του είναι αλάνθαστη. Τό αλάτι στο δέρμα και στα βλέφαρα, τα χείλια πού είναι άρμυρά όταν τ' άκουμπάμε, τα μάτια, όπου ταξιθεύουν καράβια όταν κοιτάμε, αυτά είναι σημάδια. Είναι σημάδια μόνο, και σ' όλη τή ζωή μας, μόνο τέτοια σημάδια θά 'χουμε για τήν ύπαρξή της.

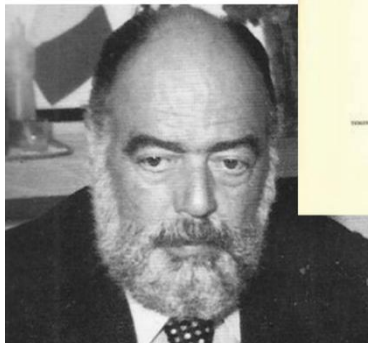
Ίσως και μερικά ονόματα, έλληνικά ή άλλα. Ίσως και τίς μαρτυρίες μερικῶν έμπίστων μας προσώπων, είτε είναι αυτοί ποιητές ή ναυτικοί

их касаемся, глаза, в которых плывут корабли, когда мы смотрим вдаль, – всё это знаки. Это лишь знаки, и всю нашу жизнь только эти знаки и будут у нас, свидетельствуя о существовании её.

Возможно, ещё несколько названий, греческих или иных. Возможно, ещё свидетельства отдельных наших доверенных лиц, будь то поэты или моряки.

(пер. И.Бехарский)

ΓΙΩΡΓΟΣ ΔΙΚΟΣ (1920-2000)

ΠΟΙΗΣΗ

ΓΙΩΡΓΟΣ
ΔΙΚΟΣ

ΑΒΕΣΑΛΩΜ

στόν 'Ανδρέα Εμπειρίκο

Πυρακτωμένα σίδερα χαϊδεύουν την πληγή μου
Λιοντάρια βροντοφωνούν 'Αβεσαλώμ
Χτυπώντας μέ τήν ούρά τους κορφοβούνια
Κρατώντας μέσ στα μάτια τους πουλιά κρεουργημένα
Πυρακτωμένα σίδερα χαϊδεύουν την πληγή μου.

Ή γῆ κινιέται ήδονικά μέ τό σεισμό
Στήν ἀγκαλιά μου κρατώ ἕνα πληγωμένο σύννεφο

ЙОРГОС ЛИКОС (1920-2000)

Поэт первого послевоенного поколения, чьё творчество формировалось в орбите отечественного сюрреализма. Дебютировав в 1940-е годы, он создал поэзию, в которой сочетаются образная плотность, фрагментарность и ощущение странствия — как внутреннего, так и географического. Его поэтические сборники, от «Четырёх масок ветра» до поздних работ, отмечены атмосферой онейрической свободы и тонкой лирической наблюдательностью. Близкий к поколению Эмпирикоса, Энгонопулоса, Гатсоса и Сахтуриса, Й.Л. развивал индивидуальный вариант сюрреалистической чувствительности, избегая громких жестов и культивируя почти камерную поэтическую интонацию. Его творчество стало значимым и самобытным вкладом в греческую модернистскую традицию.

АВЕССАЛОМ

Андреасу Эмбирикосу

Раскалённые оковы ласкают рану мою

Львы громогласно возвещают Авессалом

Бия хвостами по вершинам горным

Зрея в глазах своих птиц изувеченных

Раскалённые оковы ласкают рану мою

Земля сластолюбиво содрогается от толчков

В объятиях своих держу раненое облако

Με το κεφάλι του γερτό τα χέρια του άνοιχτά
Τα δάκρυα τρῶν τὸ ἥρωικό του σώμα
Ἡ γῆ κινιέται ἡδονικά μέ τό σεισμό.

Μαύρη καί κόκκινη φωλιά πού ἀγαπῶ
Αχ νὰ μέ κράταγε σφιχτά στήν ἀγκαλιά της
Ὅπως ἓνα μικρό βλαστάρι της ἡ γῆ
Ὅπως ἓνα νεκρό πάνω στα στήθια της ἡ νύχτα
Μαύρη καί κόκκινη φωλιά πού ἀγαπῶ.

Ὁ οὐρανός ξεσκίζεται πνίγεται μέσ στο αἷμα
Πόνοι κι ἀντάρτισσες φωνές μαχαιρωμένες
Μορφές χαμένες στήν ἀγκαλιά τῶν ἰνδαλμάτων
Σβήνουν πικρά το λύχνο τῆς καρδιᾶς μου
Ὁ οὐρανός ξεσκίζεται πνίγεται μέσ στο αἷμα.

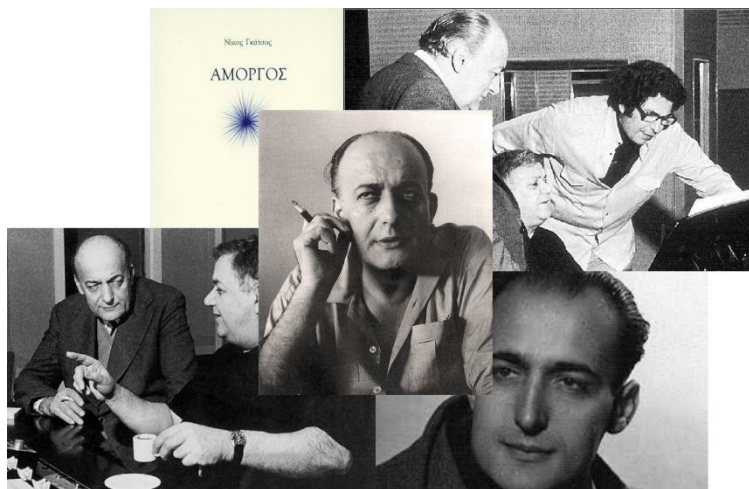
С головой наклонённой с руками раскинутыми
Слёзы поедают тело его героическое
Земля сластолюбиво содрогается от толчков

Чёрный и красный кокон что люблю
О если бы меня ты крепко держало в объятиях своих
Как небольшой росток её – сама земля
Как умерший в груди её – сама ночь
Чёрный и красный кокон что люблю

Небеса разрываются тонут в крови
Боли и мятежные крики заколотые
Фигуры потерянные в идиологов объятиях
Тушат невыносимо светоч сердца моего
Небеса разрываются тонут в крови

(пер. И.Бехарский)

ΝΙΚΟΣ ΓΑΤΣΟΣ (1911/1915–1992)

Ο ΙΠΠΟΤΗΣ ΚΑΙ Ο ΘΑΝΑΤΟΣ

Καθώς σέ βλέπω ακίνητο

Με τοῦ Ἀκρίτα τ' ἄλογο καὶ τὸ κοντάρι τοῦ Ἁη-Γιωργιοῦ
νὰ ταξιδεύεις στὰ χρόνια

Μπορῶ νὰ βάλω κοντά σου

Σ' αὐτὲς τίς σκοτεινὲς μορφὲς πού θὰ σέ παραστέκουν
αἰώνια

Ὅσπου μιά μέρα νὰ σβηστεῖς κι ἐσὺ παντοτινὰ μαζί τους

Ὅσπου νὰ γίνεις πάλι μιά φωτιά μες στὴ μεγάλη Τύχη πού
σὲ γέννησε

НИКОС ГАТСОС (1911/1915–1992)

Поэт, песенник и переводчик. Творческий путь Н. Г. отмечен глубоким синтезом эллинской традиции и европейского модернизма. Сюрреалистическая поэма «Аморгос», по словам Н.Г., была создана за ночь полностью в технике автоматического письма. Последующие десятилетия Гатсос посвятил лирике, и его тексты были положены на музыку великими композиторами. Параллельно его мастерство переводчика, открывшего греческому зрителю Лорку, Стриндберга, Теннесси Уильямса и др., оказало существенное влияние на театральную культуру страны.

РЫЦАРЬ И СМЕРТЬ

Как только вижу тебя неподвижным,

Бороздящим столетия на коне Акрита и с копьем
Святого Георгия

Я могу поставить рядом с тобой

В этих мрачных призраках, что неизменно будут
служить тебе

Пока однажды не умолкнешь и ты вовек с ними

Пока вновь не станешь светом внутри великой Судьбы,
которая родила тебя.

Μπορῶ νὰ βάλω κοντά σου

Μιά νεραντζιά στοῦ φεγγαριοῦ τοὺς χιονισμένους
κάμπους

Καὶ τὸ μαγνάδι μιᾶς βραδιᾶς νὰ ξεδιπλώσω μπροστά σου

Μὲ τὸν Ἀντάρη κόκκινο νὰ τραγουδάει τὰ νιάτα

Μὲ τὸ Ποτάμι τ' Οὐρανοῦ νὰ χύνεται στὸν Αὔγουστο

Καὶ μὲ τ' Ἀστέρι τοῦ Βοριᾶ νὰ κλαίει καὶ νὰ παγώνει—

Μπορῶ νὰ βάλω λιβάδια

Νερὰ ποὺ κάποτε πότισαν τὰ κρῖνα τῆς Γερμανίας

Κι αὐτὰ τὰ σίδερα ποὺ φορεῖς μπορῶ νὰ σοῦ τὰ στολίσω

Μ' ἓνα κλωνι βασιλικὸ κι ἓνα ματσάκι дуόσμο

Μὲ τοῦ Πλαπούτα τ' ἄρματα καὶ τοῦ Νικηταρᾶ τὶς πάλλες.

Μὰ ἐγὼ ποὺ εἶδα τοὺς ἀπογόνους σου σὰν πουλιά

πατρίδας μου

Κι εἶδα τὰ κυπαρίσσια τοῦ Μοριᾶ νὰ σωπαίνουν

Ἐκεῖ στὸν κάμπο τοῦ Ἀναπλιοῦ

Μπροστὰ στὴν πρόθυμη ἀγκαλιὰ τοῦ πληγωμένου
πελάγου

Νὰ σκίζουν μιάν ἀνοιξιάτικη αὐγὴ τὸν οὐρανὸ τῆς

Ὅπου οἱ αἰῶνες πάλευαν μὲ τοὺς σταυροὺς τῆς
παλληκαριᾶς

Θὰ βάλω τώρα κοντά σου

Я могу поставить рядом с тобой
Померанец в лунном свете на заснеженных долинах,
Фату вечера, что развернулась перед тобой
И красного Антареса, поющего о молодости
И Небесную Реку, впадающую в Август
И Северную Звезду, что плачет и леденеет -
Я мог бы поставить луга.
Воды, что когда-то орошили лилии Германии.
И эти оковы, которые волочишь за собой, я могу для
тебя украсить
Веточкой базилика и пучком мяты
С оружием Плапутаса и сражениями Никитараса
Я же, увидев потомков твоих - точно птицы,
Что разрезают небо моей Родины на весенней заре
И увидел я, что кипарисы Морийские хранят молчание
Там, на равнинах Нафплиона
Перед решительными объятиями израненного моря
Где эпохи сражались с крестами мужества
Я теперь поставлю рядом с тобой

Τὰ πικραμένα μάτια ἑνὸς παιδιοῦ
Καὶ τὰ κλεισμένα βλέφαρα
Μέσα στὴ λάσπη καὶ τὸ αἷμα τῆς Ὀλλανδίας.
Αὐτὸς ὁ μαῦρος τόπος
Θὰ πρασινίσει κάποτε.
Τὸ σιδερένιο χέρι τοῦ Γκέτς θ' ἀναποδογυρίσει τ' ἀμάξια
Θὰ τὰ φορτώσει θημωνιές ἀπὸ κριθάρι καὶ σίκαλη
Καὶ μὲς στοὺς σκοτεινοὺς δρυμοὺς μὲ τίς νεκρὲς ἀγάπες
Ἐκεῖ πὺν πέτρωσε ὁ καιρὸς ἓνα παρθένο φύλλο
Στὰ στήθια πὺν σιγότρεμε μιά δακρυσμένη τριανταφυλλιά
Θὰ λάμπει ἓνα ἄστρο σιωπηλὸ σὰν ἀνοιξιὰτικη
μαργαρίτα.
Μὰ σὺ θὰ μένεις ἀκίνητος
Μὲ τοῦ Ἀκρίτα τ' ἄλογο καὶ τὸ κοντάρι τ' Ἀη-Γιωργιοῦ θὰ
ταξιδεύεις στὰ χρόνια
Ἕνας ἀνήσυχος κυνηγὸς ἀπ' τὴ γενιὰ τῶν ἡρώων
Μ' αὐτὲς τίς σκοτεινὲς μορφὲς πὺν θὰ σὲ παραστέκουν
αἰώνια
Ὡσπου μιὰ μέρα νὰ σβηστεῖς καὶ σὺ παντοτεινὰ μαζί τους
Ὡσπου νὰ γίνεις πάλι μιὰ φωτιὰ μὲς στὴ μεγάλη Τύχη πὺν
σὲ γέννησε
Ὡσπου καὶ πάλι στίς σπηλιὰς τῶν ποταμιῶν ν' ἀντηχήσουν

Заплаканные глаза ребёнка
И закрывшиеся веки
Среди грязи и крови Голландии.
Это чёрное место
Зазеленеет однажды.
Железная рука Гёца перевернёт повозки
Загрузит их снопами ячменя и ржи
И среди дремучих лесов с мёртвой любовью
Здесь, где время превратило в камень молодой листок
В сердцах, где трепетала плачущая роза,
Зажжется молчаливая звезда словно весенняя
маргаритка.
Но ты останешься неподвижны
Будешь бороздить столетия на коне Акрита и с копьем
Святого Георгия
Лихой охотник из поколения героев
С этими мрачными призраками, что неизменно будут
служить тебе
Пока однажды не умолкнешь и ты вовек с ними
Пока вновь не станешь светом внутри великой Судьбы,
которая родила тебя
Пока вновь в пещерах рек не отзовутся эхом

Βαριά σφυριά τῆς ὑπομονῆς
Ὅχι γιὰ δαχτυλίδια καὶ σπαθιά
Ἀλλὰ γιὰ κλαδευτήρια κι ἀλέτρια.

Тяжелые молоты терпения
Не для колец и мечей
Но для серпов и плугов.

(пер. А.Попик)

ΜΕΛΠΩ ΑΞΙΩΤΗ (1905–1973)

ΘΕΛΕΤΕ ΝΑ ΧΟΡΕΨΟΜΕ ΜΑΡΙΑ;

(ἀπόσπασμα)

Καί οἱ διαβάτες διακρίνανε ἐκεῖνο τὸν καιρὸ κάθε που ζύγωνε να σουρουπώσει, ἓνα μικρὸ χαμένο φῶς, μέσα σε μια μεγάλη γύμνια. Ἐκεῖ ἦταν τὸ σπίτι τοῦ Γιάννη, κι ὅλοι το ξέρανε, μέ τ' ὄνομα.

Ἐκεῖ, ἐπήγαιναν και το τσιμπούσανε το σπίτι ὄχι μόνο τα ἄγρια πουλιά, καί οἱ φουρτούνες, καί τό γέρικο ἐκεῖνο πεύκο, καί ἡ μοναξιά, ἀλλά καί οἱ θόρυβοι τοῦ κόσμου βράζανε δίπλα του, καί κάτι πρόβατα βόσκιζαν ἤσυχα γύρω, ἐνῶ τὰ μεγάλα φῶτα τῆς πολιτείας πολεμούσανε να το σβήσουνε, ἓνα σωρὸ παχιά σκουλήκια ξεφυτρώσανε στις ρίζες του, το κοροϊδέψανε μικρά παιδιά, καί ὁ χρόνος περπατοῦσε ἀπάνω του γράφοντας γιά λογαριασμό του ἐκεῖνα τὰ ἄγραφα μόνο χαρτιά, ἀλλά ἐκεῖνο ζοῦ σε.

МЕЛЬПО АКСИОТИ (1905–1973)

Автор, чьё творчество соединяет модернистские и сюрреалистические влияния. В её прозе доминируют поток сознания, ассоциативность и внутренний монолог, превращающие личный опыт в универсальное высказывание. В центре творчества М.А. находятся размышления о природе детства и памяти, сновидческая реальность и образы родного острова Миконос. В 1936 году М.А. вступила в Коммунистическую партию Греции и оставалась верной левым убеждениям вплоть до конца жизни. Во время оккупации М.А. участвовала в подпольной деятельности ЭАМ и сотрудничала с подпольной прессой.

ХОТИТЕ ПОТАНЦЕВАТЬ, МАРИЯ?

(фрагмент)

И прохожие различали в то время всякий раз едва приближались сумерки крошечный затерявшийся свет среди протяжной наготы. Там был дом Янниса, и все его знали по имени.

Туда забредали и клевали дом не только дикие птицы, но и шторма, и состарившаяся сосна, и одиночество, и более того, шорохи мира кипели подле него, овцы мирно паслись вокруг, и это все пока мощные огни государства воевали за то, чтоб его погасить, куча толстых червей прорастали в корнях его, над ним насмехались малые дети, а время сотрясало его своими шагами, выписывая счета лишь неписаными бумагами, но тот продолжал жить.

Μιά ρόδα γύριζε στο αμάξι, γύρω στὸν ἄξονά της,
κλώθοντας τη σκιά.

Και κάθε νύχτα ὁ Γιάννης, τὴν ὥρα πού σωπαίνουνε οἱ
λύκοι μέσα στὰ ἀδιάβατα χαντάκια τῆς ζωῆς, ἔμπαινε μέσα
σ' ἐκεῖνο το σπίτι, κι ἔβγαζε το ψεύτικο μάτι του.

Το μάτι, μακριὰ ἀπ' τὸ Γιάννη, καθὼς στερήθηκε ἀπότομα
ἐκείνη τὴν ἔκφραση τῆ δανεικῆ, ἔστεκε τώρα ἀκίνητο, σαν
χάρτινο δαδί ἀναμμένο.

Καὶ πίσω ἀπὸ τὸν πρῶτο τοίχο εἶχε στήσει ὁ Γιάννης ἓνα
θρόνο με μετὰξι πράσινο δουλεμένο, καὶ γύρω γύρω δὲν
ἦταν τίποτα ἄλλο, ὅλα ἐκεῖνα τὰ χάδια στο κούτελο τοῦ
ἀνθρώπου ἢ τῆς ψυχῆς... Μόνο ὅταν τα σύννεφα τοῦ
οὐρανοῦ, σὰν τὰ πολὺ γοργὰ πουλιά τις νύχτες
χαμηλώνανε, καὶ στριμωχόντανε μέσα στὸ ἔρημο σπίτι
τοῦ Γιάννη, γύρω σ' ἐκείνη τὴν ἐρημιά, τότε, οἱ ἀνάσες τοῦ
Γιάννη κάτω ἀπὸ τὸ χαμηλὸ ταβάνι τὰ κυνηγούσανε, καὶ
το σπίτι ἄδειαζε, κι ἔμενε πάλι κουφάρι.

– Δέ σοῦ ἔπλεξα ποτέ ἐσένα λουλούδια, μιμόζες καὶ
τριαντά φυλλα, ἀλλὰ τοῦ τάφου ἢ πλάκα ἐσένα δὲ θὰ σε
σκεπάσει. Ἔλεγε ὁ Γιάννης για το θρόνο μέ τό μετὰξι το
πράσινο.

Τότε ἔπαιρνε τὴ φωνή το χάος, καὶ τὴν κατέβαζε στὸν ἄδη,
τὴν μπερδευε μαζί μὲ τὰ αἰώνια θεμέλια τοῦ σπιτιοῦ, κι
ἐκεῖ τὴν καταβρόχθιζε στὴν ἀκίνησία χάος μεγαλύτερο.

Τότε, ὁ Γιάννης ἔβγαζε το σακάκι του, κι ἔβαζε τὸ αὐτὶ του
χάμω στο ξύλινο πάτωμα τοῦ σπιτιοῦ, στο μέρος ἀπὸ τό
καλὸ, το ἀληθινὸ του μάτι, κι ἐπερίμενε λίγο.

Колесо повозки вращалось вокруг своей оси, выпрядая тень.

И каждую ночь Яннис, в час, когда замолкали волки в нехожденных канавах жизни, входил в тот дом и вынимал свой искусственный глаз.

Глаз, вдали от Янниса, лишившись в один миг одолженной ему гримасы, теперь оставался недвижим, словно бумажный зажженный факел.

И позади ближней стены поставил Яннис трон, обитый зеленым шелком, и вокруг не было ничего больше, все эти ласки по лбу человека или души... Только когда небесные облака, подобно очень шустрым птицам, по ночам опускались и ютились в этом запустелом доме Янниса, среди этой пустынности, тогда вздохи Янниса под низким потолком гнали их, и дом опустошался, и оставался вновь падалью.

— Тебе я так и не сплел цветы, мимозы и розы, но и плита могильная тебя не покроет.

Говорил Яннис о троне с зеленым шелком.

Тогда хаос обретал глас и низвергал его в ад, смешивал его с вековечным фундаментом дома, и там его поглощал в свой покой еще больший хаос.

Тогда Яннис снимал свой пиджак и внизу прикладывал ухо к деревянному полу дома, со стороны хорошего, настоящего своего глаза, и немного ждал.

Έκει, ἄρχιζε νὰ ῥχεται ἓνας θόρυβος στὴν ἀρχὴ σαν τὴ δικαιοσύνη ἐκείνης τῆς ωραίας νύχτας τῆς πρώτης τοῦ Μαγιοῦ, καὶ ὕστερα σαν τὰ πεινασμένα χρόνια καταμεσίς στὴν ἔρημο πού, λιμασμένα γιὰ θροφή... Καὶ ἡ βουὴ κατακυλούσε σκίζον τας τὸ σκοτάδι γιὰ νὰ φτάσει νὰ μπεῖ μέσα στο σπίτι τοῦ Γιάν νη.

Τότε ἐκεῖνος ἔλεγε; -Να βάλω τὸ σακάκι μου νὰ ἐτοιμαστώ, δὲν ἔχω τὴ συνήθεια, βλέπετε, τέτοια πράματα...

Κι ἔβγαινε στο κατώφλι τῆς πόρτας καθὼς πού ἀκόμα ἦταν γδυτός καὶ φώναζε: Θα το ξέρετε βέβαια ὅτι δὲν εἶμαι ἐγὼ γιατρός, ἀλλὰ ἐλάτε μέσα. Μέσα σε τοῦτο τὸ τρύπιο πιθάρι οἱ τυφλοπόντικοι ἔχτισαν φωλιές, καὶ θὰ διασκεδάσετε.

Καὶ ἔτσι ἀρχίζανε ἓνας ἓνας νὰ μπαίνουν μέσα στο σπίτι τοῦ Γιάννη, οἱ φίλοι του.

ΣΥΜΠΤΩΣΗ

(ἀπόσπασμα)

Τὴ ζωὴ μας περάσαμε χωρὶς νερό, χωρὶς πηγάδι στὴν αὐλὴ, χωρὶς κεντίσματα

στις πουκαμίσες

αν καὶ οἱ ἄνθρωποι τὰ συνηθίζανε στὸν καιρὸ μας τέτοια πράματα.

Тут начинал доноситься шум, сперва похожий на звуки правосудия того прекрасного первого Мая, а затем на голодные годы посреди пустыни, изнуренные от отсутствия пищи... И вой катился, рассекая тьму, чтобы достичь дома Янниса и войти в него.

Тогда он говорил: – Я только надену мой пиджак, чтобы подготовиться. Видите ли, я к таким вещам не привыкши...

И выходил на дверной порог, еще будучи раздетым, и кричал: – Вы поймете наверняка, что не я врач, но проходите. Внутри этого дырявого кувшина кроты построили норы, и вам будет весело.

И так, один за одним, начинали входить в дом Янниса его друзья.

(пер. А.Затолокина)

СОВПАДЕНИЕ

(фрагмент)

Мы жизнь провели без воды, без колодца во дворе, без вышивки

на рубашках

пусть в наше время люди к такому привыкли.

Μεγάλο μέρος της ζωής μας περάσαμε μέσα στον καφενέ
του Βροχή με το παλιό

ρολόι σταματημένο στις 7

30 χρόνια

οι φίλοι μας το συμβουλευόνταν με άγια πίστη

τη σεβαστήκαμε

τόση ειλικρίνεια.

Εμείς εξήσαμε μέσα στην πολιτεία μαζί με τα ψάρια

εκεί γεννήθηκαν οι εραστές σου.

Οι άντρες λέγανε έργα διαρκείας

οι γυναίκες γουστάρουν πολύ τα παιδιά κι αιφνίδια τα
γεννούν ψόφια

οι καπετάνιοι αράζουνε νωρίς

γλυκές αστένειες βουβαίνουν τους ανθρώπους

τ' αντρόγενα δεν προλαβαίνανε να μεταλάβουνε

άγνωστοι πήγαιναν λουλούδια στους τάφους

οι τρελοί ξαναβρίσκανε τη μνήμη τους κι εθυμόντανε,
άλλος θυμότανε μια μύτη

άλλος θυμότανε τα φρύδια,

από τα πέρατα της γης παίρνανε βιαστικοί τους δρόμους,
γύριζαν πίσω.

Значительную часть нашей жизни мы провели в
кофейне

Дождя, со старыми часами, что остановились на 7

30 лет

слепо веря наши друзья с ними советовались

мы почтили

такую честность.

Мы прожили жизнь в обществе вместе с рыбами

там появились на свет твои любовники.

Мужчины говорили дела великие

женщины обожают детей и вдруг их рожают
мертвыми

капитаны причаливают рано

сладостные болезни у людей отнимают дар речи

супруги не успевали причащаться

безымянные возлагали цветы к могилам

безумные обретали вновь память и вспоминали, один
вспоминал нос

другой вспоминал брови

от края света пускались в спешке в путь, в путь

обратный.

Εμάς οι ευκολίες συχνά μας τρομάζανε
τόσο πολύ μεγάλη σημασία δώκαμε στη ζωή ·
μέσα στ' ασβεστωμένα σπίτια πατούσαμε σα να 'τανε
τριαντάφυλλα
είχαμε πονοκέφαλο,
με την ακέρια θέλησή μας ποτέ όμως δεν το
παραδεχτήκαμε
να μην ήταν εξαίσια τα μαλλιά μας,
σαν τρελοί τρέχαμε να προλάβομε την κοπέλα τω
δεκατεσσάρω χρονώ
σκίζαμε τρύπες μουλωχτές στον τοίχο
παραμονεύαμε τα παράθυρα
λαχτίζαμε όταν προφταίναμε τα φοβητσιάρικα
ψωρόσκυλα πριν
μας λαχτίσουνε,
σαν τρελοί τρέχαμε να προλάβομε τα ψέματα,
να αποφύγομε τη δυσσομία όταν εκόπριζαν τις δημόσιες
πλατείες
με την ανατολή του ήλιου κατά το φθινόπωρο,
ετοιμαζόμαστε να πεθάνουμε από καιρό –
τρόμο γεμάτοι προσπαθούσαμε να μην εγκαταλείψομε
τα ωραιότερα κορίτσια
μας ανύπαντρα,

Простые вещи часто нас пугали,
мы столь огромный смысл придали жизни;
ступали в побеленных домах словно это были розы
болела голова,
но прилагая все усилия не допускали
нашей прическе быть небезупречной
бежали как безумцы чтобы догнать девушку
четырнадцати лет
мы вырезали тайные отверстия в стене
мы, скрывшись, сторожили окна
пинали, когда могли догнать собак блохастых и
пугливых прежде
чем кто-то пнул бы нас
бежали как безумцы чтобы догнать ложь
чтоб избежать зловония унавоженных центральных
площадей
и где-то в канун осени с восходом солнца
заблаговременно готовясь к смерти –
мы наполнялись страхом, что покинем прекраснейших
из девушек
не выданными замуж,
и неизведанными ветра

ανεξερεύνητους τους ανέμους
που φέρνουν τις καταιγίδες,
κουβαλάνε ψοφίμια,
πρόωρες γέννες στις καβουρομάνες από το φόβο στο
βυθό της θάλασσας,
σμίγουνε τον τυφλό με το ραβδί του,
την έχθρητα με την αναβολή,
ηθελημένα πλάθουν μαζί με τα αθέλητα,
τ' αλάργα γίνονται κοντά μας
και στοιχειωμένα σπίτια παραριγμένα στον ανήφορο,
χρόνια χωρίς γιατρό
και ευαγγέλιο, εκείνες τις νύχτες του χαμού
διατάζουνε γιορτές.

<...>

Κύματα μας τα φέρνανε κύματα μας τα παίρνανε τα
όνειρά μας,
πέστε μου, σε όλα τούτα εμείς τι να κάνομε,
εμείς είμαστε γυναίκες.
Πέστε μου τι μπορούσαμε εμείς να κάνομε, κι όταν
νομίζαμε ότι είμαστε πουλιά,
αλλά εμείς είμαστε γυναίκες

которые к нам гонят грозы,
вынашивают мертвых,
преждевременные роды от страха на дне моря у самок
крабов,
слепца объединяют с его тростью,
враждебность с отсрочкой,
желаемое сплавляют с нежелательным,
все далекое случалось рядом с нами
и населенные призраками дома заброшенные на
подъемах гор и годы без врача
без благой вести, в ночи потерь
приказ дают о празднике.

.....

Волны нам приносили и волны у нас отнимали наши
мечты,
скажите мне, средь этого всего что нам-то делать,
мы женщины,
скажите мне, что могли сделать мы, когда считали что
мы
птицы,
но мы женщины;

για μας τα χρόνια δεν περνούσανε, ήτανε πάντα
καλοκαίρι,

δεν αγοράζαμε παπούτσια για να μπορούμε να σου πούμε
σ' αγαπώ,

όταν δεν είχαμε αληθινά – τίποτα εμείς! βγάζαμε ψεύτικα
γαρύφαλλα στο παράθυρο

κι ας ήθελε να μας είχαν ξεφυτρώσει αγκάθια

ωσάν αγριόγατοι ανάμεσα από τα μεριά – τίποτα! – εμείς
σας αγαπούσαμε.

Σούρουπο εγκαταλείπαμε τις κλινικές και τα παιδιά μας
τότε πια να μη

μας γνωρίζουνε,

εμείς, τι άλλο θέλατε από μας

εμείς είμαστε γυναίκες –

πολύ μας πικράνατε.

Συχνά το φύλο μας προσφέραμε σαν πιάτο

μέσα σε φύλλα μουριάς

και ωστόσο

καθαρίζαμε μήλο.

для нас лета не проходили, всегда шло лето,
ботинок мы не покупали чтобы могли сказать тебя
люблю,
и если не имели настоящих – ничто мы! фальшивые
гвоздики мы ставили на окна
должно быть проросли из нас шипы
подобно коты дикие меж бедер – ничто! – мы вас
любили.
И вечером, дождавшись темноты, мы госпитали
покидали и детям нашим тогда нас было
уж не узнать,
мы, что вы еще от нас хотели
мы женщины –
вы нас очень огорчали.

Мы часто женский род наш подавали словно блюдо
в листьях шелковицы
и несмотря на это
чистили яблоко.

(пер. А.Затолокина)

ΗΛΙΟΣ ΤΟΥ ΚΟΡΙΝΘΙΑΚΟΥ – Α. Εμπειρικός

Επειδή δέν επέζησε ή λαγνεία τού δένδρου έπειδή επώχευσε το καμάκι έπειδή άπεθρασύνθη ό σκαρφαλωτής τών νυχτερίδων έπειδή ύπνώττει στά χάμουρα της οίνοπομπής ο τζίτζικας κατεβλήθη καί καταβάλλεται κάθε έπιγονατίς καί διαπομπεύονται καί οί δυστυχέστεροι λέοντες.

Η δυσπραγία άναστενάζει καί ζητεϊ να τής βγάλουν ττο έπανωφόρι της μα τα δόντια του είναι τόσο βαριά πού πέφτουν στίς κάμπιες καί οί νυκτόβιοι τών ίπποφορβείων νέμονται τίς άναμοχλεύσεις τών δεσποινίδων πού κατοικούν άκόμη στίς τζέπες τών άλουργίδων. Πέρα απ' αútές ύπάρχει μόνον ή κόμη τους καί οί σωματοφύλακες έορτάζουν.

ΠΙΝΟΝΤΑΣ ΗΛΙΟ ΚΟΡΙΝΘΙΑΚΟ – Ο. Ελύτης

Πίνοντας ήλιο κορινθιακό

Διαβάζοντας τα μάρμαρα

Δρασκελίζοντας αμπέλια θάλασσες

Σημαδεύοντας με το καμάκι

Ένα τάμα ψάρι που γλιστρά

Βρήκα τα φύλλα που ο ψαλμός του ήλιου αποστηθίζει

Τη ζωντανή στεριά που ο πόθος χαίρεται

Ν' ανοίγει.

СОЛНЦЕ КОРИНФСКОГО ЗАЛИВА – А. Эмбирикос

Тогда как не осталось жить в потомках вожделиние
древа тогда как обеднел гарпун тогда как преступил
черту лазальщик ночниц тогда как дремлет в сбруе
винного сосуда цикад подавлен и подавляется каждый
наколенник и высмеиваются несчастнейшие львы.

Затруднения стонут и просят снять с них верхние
одежды но его зубы настолько тяжелы что падают на
гусениц и ночные животные конюшен завладевают
пробуждением дам что населяют и карманы багряниц.
Помимо них есть только локон и телохранители
ликуют.

(пер. П.Мелькаевой)

ИСПИВАЯ ОТ СОЛНЦА КОРИНФСКОГО – О. Элитис

Испивая от солнца коринфского

Читая по мрамору

Поднимаясь лозами морей

Нацеливая гарпун

На обет рыбы, что скользит

Я нашел страницы, где воспевание солнцу вызубрило

Живую твердь, которую страсть с радостью

Раскрывает.

Πίνω νερό κόβω καρπό
Χώνω το χέρι μου στις φυλλωσιές του ανέμου
Οι λεμονιές αρδεύουνε τη γύρη της καλοκαιριάς
Τα πράσινα πουλιά σκίζουν τα όνειρά μου
Φεύγω με μια ματιά
Ματιά πλατιά όπου ο κόσμος ξαναγίνεται
Όμορφος από την αρχή στα μέτρα της καρδιάς.

Η ποίηση είναι ανάπτυξι στίλβοντος ποδηλάτου. Μέσα της όλοι μεγαλώνουμε. Οι δρόμοι είναι λευκοί. Τ' άνθη μιλούν. Από τα πέταλά τους αναδύονται συχνά μικρούτσικες παιδίσκες.

Η εκδρομή αυτή δεν έχει τέλος.

Пью воду режу плод
Запускаю руку в лиственницу ветра
Лимонные деревья орошают летнюю пыльцу
Зеленые птицы рассекают мои сны
Я ухожу окинув взглядом
Взглядом масштабным мир что из первоначал вновь
красоту обретает в биении сердца.

(пер. П.Мелькаевой)

Поэзия это развитие сверкающего велосипеда. В ней
мы все вырастаем. Дороги белы. Цветы говорят. С их
лепестков часто поднимаются крошечные деточки.

Этот путь не имеет конца.

(пер. П.Мелькаевой)

ΚΟΣΜΟΣ ΧΩΡΙΣ ΠΟΙΗΤΕΣ – Δημήτρης Γιαλαμάς

Γυμνός

στο τραγικό τους ποδήλατο

δεν υποψιάστηκε τίποτα

Τον έστεψες γελωτοποιό, αιμοδότη και αρουραίο

Του έκρυψες

Το Μέγα Λάθος

Ήλιο

Θύελλα

Μουσική

Το Τέλος του Κόσμου

Αύριο θα

γυρίζει στους δρόμους όπως πρώτα

Θα φορά το γυάλινο κοστούμι του

τα δόντια του

την ανάσα του

τα λέπια του

Θα φορά το γιάλινο κοστούμι του

Γυμνός στο τραγικό τους ποδήλατο

МИР БЕЗ ПОЭТОВ – Димитрис Яламас

Нагой

на трагическом велосипеде

ни о чем не подозревая

вышла за него за шута пиявку крысу

скрыв от него

Великую Ошибку

Солнце

Бурю

Музыку

Конец Света

завтра

снова помчится по улицам как и прежде

надев свой стеклянный костюм

зубы

дыхание

чешую

надев свой стеклянный костюм

нагой

на трагическом велосипеде

